Калининградская рабочая группа "93 in 39"
Клуб поэзии и авторской песни "Аделаида"
и Братство по Воде (Альтеры Лалангамены)

представляют

Литературный альманах Народа Звезды

Вып. 19.

Горэдель
Гранитов Роман (Vaan32)
Даниленко Наталья
Даша Х.
Джайна
Джонатан
Доната Владиславская
Драконис

Литературный альманах Народа Звезды

ЛАЛАНГАМЕНА

Вып. 19.

Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.

Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала и указания электронного адреса журнала (http://apokrif93.a-z-o-t.com).

Copyleft:

🄯 Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
🄯 Братство по Воде, 2002-2006;
🄯 Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2012;

а также авторы журнала:

Горэдель
Гранитов Роман (Vaan32)
Даниленко Наталья
Даша Х.
Джайна
Джонатан
Доната Владиславская
Драконис

Николай Болток
(иллюстрации)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
http://alther.narod.ru
http://apokrif93.a-z-o-t.com
E-mail: 93in39@gmail.com

Городель

Главные слова

Он лежал у меня на руках. Он становился всё призрачней и слабее. Он умирал. Я боялась, что он умрёт, не сказав самого главного. А его глаза уже давно потеряли блеск, лицо побледнело, дыхание стало прерывистым. Он умирал у меня на руках, а я ничего не могла поделать. Я не виню себя за это. Жизнь — это лишь подготовка к смерти, никак не иначе. Но я всё же боялась. Я хотела было отпустить его руку и прикрыть в последний раз веки, но он заговорил. Слабый голос и разум его поведали мне историю мироздания, поколений, веков. Он говорил долго. Звучали разные слова: долг, рассудок, истина, цивилизация. Но не прозвучало в этой речи главных слов. Я знаю эти слова — они просты. Но я не стану говорить их, ибо в моих устах они прозвучат глупо. Вскоре он умер, так и не сказав самого главного. И этот ненужный остаток моей ненужной жизни я посвятила поискам человека, который смог бы сказать те слова. Странно, что я искала именно человека.

Прошли годы. Сотни, а может и тысячи лет. А я всё искала, переходя из одной жизни в другую. Я умирала и вновь возрождалась, я побывала во всех странах и цивилизациях. Обо мне слагали песни и легенды. Меня боялись и любили. Меня хранили и убивали. Я была женой императора, я была жрицей в египетском храме, я была обычной горничной, я была распутной девкой. Помню, как я была безумной вдовой. Я жила в пыльной мансарде, где-то на юге Франции, и каждое утро часами смотрела на голубей. Они взмывали в небо, высоко-высоко, их серые крылья будто касались облаков. Они приводили меня в восторг. Как легко! Взмахнуть крыльями и улететь навстречу Свободе. Всего лишь взмахнуть крыльями! Взмахнуть крыльями... Я падала стремительно и тихо. Удар о землю навеял странные мысли. Всё. Нет больше свободы. Есть только толпа перепуганных людей, их крики, сирена «скорой помощи», кровь на асфальте... Но внезапно я улыбнулась. Ведь я ничего не теряю! А напротив, я приобрела новую жизнь. «Быть может, Господь наградит меня теперь, — подумалось мне, — и я не буду больше человеком». Постепенно крики вокруг стали стихать, и я прикрыла глаза, чтобы не видеть этого грязного солнца. Я уже больше ничего не чувствовала. Последним, что осталось во мне от этой жизни, была иголка с какой-то дрянью, которую мне кололи в вену, тщетно пытаясь вернуть уходящую душу. Всё кончено. Наконец-то всё кончено.

Странное видение открылось мне после того, как я провалилась в пустоту. Белый свет, такой белый, что, казалось, я тону в молоке. Он не слепил меня, он дарил прозрение. И когда видения последних минут моей предыдущей жизни, наконец, покинули мои глаза, я увидела ангела. О, что за чудо это было! Белый, белее окружающего нас света. Он протянул ко мне руки. Он приложил мою ладонь к своему сердцу и заговорил.

— Ты познала человечество. И прошли тысячи лет, но никто не перешагнул той грани, за которой привык находиться. Ты так и не нашла того, за чем спустилась в этот мир. Люди для тебя — прочтённая книга. От них ты больше ничего не узнаешь. Пришло время подарить тебе новый образ. Быть может, Высшее нужно искать в высоте? — Он сказал это и улыбнулся. И в то

же время я почувствовала, каким лёгким стал воздух. Я увидела то, чего раньше не замечала. Я услышала то, чего не слышала никогда. О Господи! Я стала птицей! Свет мгновенно растаял, я осталась одна в бескрайней синей бездне. Я летела по ветру, я слышала шум собственных крыльев и была счастлива.

Подо мной проносились города, леса, горы. Я видела других птиц много ниже себя. Я чувствовала, что мне ничего не угрожает, что в этом просторе я, наконец, услышу от кого-нибудь слова, о которых мечтала на протяжении тысяч лет. Так я летала до самого вечера. Когда закатное солнце бросило последний розовый блик на мои белые крылья и уснуло где-то за горизонтом, я медленно спустилась на высокий утёс, одиноко нависший над морем. Ночь быстро укрыла меня своим одеялом.

Я уже было надула перья на груди, как делает всякая птица, засыпая, но сзади раздался мягкий высокий голос. Я знала, что так кричат горлицы. И я даже понимала, что именно мне сказала эта горлица. Она поздоровалась со мной. Я ответила ей. Я даже не пыталась понять, как обычная горлица оказалась на высоте, которую осилит не всякий орёл. Горлица была очень крупной, с сильными крыльями и необычно осмысленным взглядом. Она обхватывала лапами толстую мёртвую ветку, которая ещё в давние времена отломилась от старой сосны, росшей неподалёку. Я подлетела ближе. Птица взглянула на меня с интересом. Конечно же, я ошиблась: это была не горлинка, а крупный голубь, взгляд которого, казалось, вбирал в себя весь мир и потому был полон грусти и сочувствия.

— Ты молода, — сказал голубь, — и Господь одарил тебя крепкими крыльями для полёта. Но... — тут он слегка запнулся. Видно было, что размышляет. — Но ты не до конца понимаешь, зачем тебе нужен полёт. Ведь так?

Я была несколько озадачена. А ведь правда! Зачем я умею летать? Я качнула головой, не промолвив ни слова.

— Наш мир очень сложен. Это мир первозданной природы. Мы живём по её законам. Пропасть между нашими законами и законами человеческими стала слишком велика.

Странно, но мне казалось, эта птица знает всё обо мне. А странный голубь продолжал говорить.

— Если ты упадёшь в эту пропасть, не поняв до конца второго мира, ты никогда больше не восстанешь из неё. Каждый строит себе мост над этой пропастью. Если хочешь, я помогу тебе...

Он замолчал. Его глаза сверкали в сумерках, как две чёрные звезды. Я подумала, что всё случилось не просто так. Этот голубь действительно нужен мне. Я только начинаю познавать этот сложный мир природы, мир убийств и выживания, и я могу никогда его не понять. Мне нужен учитель. И эта горлица-голубь была специально послана мне.

— Ты согласна стать моей ученицей? — спросил голубь.

— Да.

Мы разговаривали почти всю ночь. И этот разговор, Первый разговор, я помнила очень долго. А утром мы полетели. Мы летели почти без остановок. Только иногда спускались к ручьям за водой и к морю за рыбой. Горлица

была гораздо меньше меня, но ничуть не слабее. А скорость движения позволяла мне судить об истинном стремлении. Иногда даже я не могла развить такой скорости, а ведь мои крылья, по словам голубя, созданы для полёта. Но вскоре он научил меня этому.

— Нужно лишь лечь на воздух и укрыться ветром, и лететь, лететь. Тогда ты почувствуешь истинную скорость. Скорость ветра, звука, света... Расслабь крылья. Они должны быть тоньше листка бумаги, но крепче слоновьего бивня. И тогда ветер сам поднимет и понесёт тебя.

Я следовала его указаниям, и теперь уже почти перестала отставать. Но главное, я стала понимать самую сущность полёта. Раньше это была обычная птичья скорость, и ничего больше. Но теперь я чувствовала единение с природой. Стоило сделать так, как наказал мне мой учитель, как приходило восхитительное чувство лёгкости и свободы, которое я стала так ценить. Теперь не мышцы, а сам ветер держал мои крылья. Голубь научил меня ещё очень многому. Это были и простые жизненные мудрости, и что-то более сложное, непонятное. А однажды он сказал:

— Ты многому научилась. Твоя жизнь теперь в твоих руках. Мне больше нечего тебе сказать. Но нас ждёт дальняя дорога.

— Куда же мы отправимся, учитель?

— О! Это место сокрыто от тех, кто к нему никогда не стремился. Я знаю, ты уже много лет в поисках, и ты ищешь то, на что никто не способен. Возможно, именно там ты найдёшь то, что искала.

— Как оно называется, это место?

— У него нет названия. Ибо каждый выбирает свою цель и зовёт это место относительно неё.

— А где мы его найдём?

— Мы полетим на восток. Мы должны перелететь горизонт и войти в самое сердце бытия — туда, откуда исходит солнце. Тогда ты найдёшь ответы на оставшиеся вопросы. А теперь полетели. Нас ждёт долгий путь.

Он взмахнул крыльями, я рванулась за ним. Мы поднимались всё выше и выше. И вот уже воздух стал холоднее, кристаллики льда оседали нам на перья. Над нами было солнце, а внизу расстелилось иссиня-чёрное море. Расстояние не позволяло увидеть даже малое движение на поверхности воды. Только тёмное глянцевое полотно. Мы летели быстро, очень быстро, так, что за нами не успевал даже ветер. Я была на пределе блаженства: я летела быстрее облаков! Рядом со мной был мой мудрый учитель. Он задумчиво смотрел в даль, холодную, прозрачную. По вечерам, проводив ко сну красное солнце, мы спускались на ночлег. Обычно мы проводили ночи в горах или на скалистых утёсах. Так прошла неделя. Учитель поведал мне много мудрых и интересных историй, которые я так любила. Но однажды всё изменилось. Мы летели уже несколько часов, солнце начало всходить. Каждое утро мы любовались этим зрелищем: сначала нежный розово-сиреневый полукруг, а после уже величественный диск яркого красно-золотого цвета. Восход особенно нравился мне из того, что научил любить меня мой учитель. Я смотрела на солнце, не отрываясь, я приветствовала его, желала ему доброго утра.

Но громкий, пронзительный крик заставил меня обернуться. За нами летел ястреб. Огромный, страшный, с острым клювом и крючковатыми когтями. Ни одна мысль не успела промелькнуть у меня в голове, как хищная птица набросилась на голубя.

Я была гораздо крупнее ястреба, и он попросту выбрал жертву слабее меня. Но боже! Как жалела я о том, что это не я маленькая горлица! Я налетела на ястреба и стала изо всех сил бить его клювом. Я пыталась вырвать из его когтей слабеющего голубя, но у меня ничего не получалось. Я была — другая, и в этой трагедии мне не было места. А ястреб трепал в своих лапах почти безжизненную птицу, и снова я смотрела на гибель и не могла ничего поделать. Но раньше я не винила себя в этом. А теперь... Господи, что происходило со мной теперь! Я безумно кружилась в дожде окровавленных голубиных перьев и кричала, кричала. Ястреб убил того, кто научил меня этой жизни! Убил жестоко, быстро, невозвратно. Он взял мёртвое тельце голубя покрепче и улетел к своему гнезду.

А я осталась одна, совсем одна, в этом жестоком, едва познанном мире. Я взлетела повыше и сложила крылья. Упасть камнем в море — вот чего я хотела. И больше никогда не возвращаться к жизни.

Я кинулась вниз с оглушительной скоростью. Но случилось нечто! Я летела не вниз, а вверх, против своей воли, будто какая-то сила подхватила меня. Ветер распахнул мои крылья, будто силой заставляя летать. И пока я, ещё сбитая с толку и напуганная, пыталась с ним совладать, странные мысли посетили меня. Я ведь не имею права погибать, не познав жизни. Я не готова ещё к смерти. Мой долг перед учителем — найти эту загадочную страну, к которой он меня так и не привёл. Ведь он любил меня. Я чувствовала сильную горечь утраты. Это было новое чувство для меня, и оно не покидало меня очень долго. Я смирилась со всем и решила продолжить путь. Я летела на восток. Годы, годы... Они летели за мной. Каждое утро я встречала солнце, как и в тот злопамятный день. Я летела в надежде, что кто-нибудь когда-нибудь скажет слова, которые были бы главными, важнее которых ничего не могло бы быть в этом мире...

Сквозь чёрный взгляд

Жил-был человек.

Не было в нём ничего особенного. Разве что красивый тонкий нос, чёрные локоны на висках и длинный мундштук. Мундштук этот был сделан из малахита и оправлен в серебро, и человек этим мундштуком очень дорожил.

Жил человек очень высоко — почти на небе — в мансарде, над пятым этажом старого-старого дома. Говорят, он был художником. А я больше ничего про этого человека не знаю.

Каждое утро он ходил в парк. Где и когда человек работал — неизвестно. Но по утрам он ходил в парк, на обед съедал багет и кружку чаю, а потом ложился спать. Человека очень любили дворовые дети и собаки, уважали солидные мужчины и мамы с колясками. Где бы он ни шёл — шёл ли он, загребая палые листья, или перетирая меж пальцев морозный снег, — на лице его всегда была только весна, и солнце, и птицы. Однажды в парке к нему подошла маленькая девочка, с большими-большими чёрными глазами и белым личиком.

— Кто ты? — спросила она, с интересом глядя на переливающийся под солнцем мундштук.

— Я? Я просто прохожий. Живу вон в том доме.

— А я гуляю здесь. Сама — я уже взрослая.

— Сама? Ты смелая малышка. А где же твоя мама?

— Её нет.

И так стало неприятно человеку, что он поспешил уйти, пряча от малышки расстроенное лицо.

А вечером он заболел.

Он лежал в постели, жевал лимонную корку и думал, что никогда ещё не было ему так грустно, и больно, и одиноко.

Всю ночь он засыпал, а засыпая, видел белое лицо девочки из парка — только уже не милое и добродушное, а твёрдое лицо, тонкое и озлобленное, и, несмотря на детские черты, на нём были глубокие морщины. И когда во сне она открывала рот, чтобы что-то сказать, он просыпался и прерывисто дышал, и в ушах у него гудело.

Утром лихорадка немного отпустила его, и он решил прогуляться в парке.

У самого входа толпились люди. Подойдя ближе, он увидел страшную картину: на земле лежал мёртвый старик, рядом плакала, прикрывая глаза рукой, его молодая красивая дочь.

— Сердце, — шептали зеваки, — оно у него давно шалило...

Человек быстро отошёл. Ему стало страшно. На мгновение ему привиделось злое лицо из его ночных кошмаров, но только на мгновение. В следующую минуту он уже ничего не видел, кроме цветочной клумбы с тюльпанами. А рядом стояла маленькая девочка с чёрными глазами.

Вечером болезнь развернулась с новой силой. Голова его раскалывалась, будто в виске торчала раскалённая палка, в глазах то и дело темнело, ему казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Он окунулся в томное забытьё, за-

крыл глаза, и ему вдруг чётко представилась странная картина. На большом пустыре, освещённом каким-то странным электрическим солнцем, стояли два ребёнка. Это были две премиленькие девочки: одна с чёрными косами и тёмными глазищами, беленькая-беленькая, а другая — с яркими глазами и смуглым личиком, вся живая, светлая и тёплая. Девочки вырывали друг у друга старую, потрёпанную игрушку — плюшевого медведя. Они яростно сопели, топали ножками. Внезапно смуглая девочка упала — в тот же момент дикая боль пронзила его голову сквозь весь затылок. Она заплакала — руки его дёрнулись, теперь он ничего не чувствовал на ощупь. Но девочка ещё продолжала держать медведя, за одну лапу, изо всех сил. Он распахнул глаза. Нет, скорее, они распахнулись сами собой, но видение не исчезло. Девочки боролись, даже так, даже чуть ли не сидя на земле, но очень упорно. А он задыхался, мотал головой и мычал. А потом лапа у медведя оторвалась, смуглая девочка больно ударилась локтем о землю, а вторая — бледная и черноглазая — прижала медведя к груди, сильно сжав его мягкое тельце тонкими пальцами.

Он в отчаянии захрипел, схватился за горло и попытался вскочить с кровати. Но тело его онемело, руки не слушались. В ушах стоял громкий плач: «Отдай, отдай!» — кричал тонкий голосок.

Вечером следующего дня человека нашли мёртвым в его мансарде. Он лежал на постели, глаза его были закрыты, тело несколько извернулось, а руки свисали с кровати. Когда его выносили, недалеко от машины с крестом, в стороне от толпы, стояла маленькая девочка с большими-большими чёрными глазами и белым личиком и прижимала к груди плюшевого медведя без лапы.

Ведьминская песня

Лейся, песня моя,
Тонкой нитью тянись,
Не в родные края,
Не в небесную высь.

По дорогам ищи —
Зацепись за уста,
Чёрной стаей кричи,
Не сыскавшей креста,

Терпким духом несись
И ползи, как змея, —
Не в небесную высь,
Не в родные края.

Позови с собой страх,
Позови с собой месть,
И играй на устах,
Как недобрая весть.

Позови с собой смерть,
Позови с собой зло,
Тёмных бед круговерть —
Чтобы сердце прожгло,

Чтобы было темно,
Чтоб плыла голова,
Золотым полотном
Чтоб пожухла трава.

Лейся, песня моя,
По терновым шипам,
Не в родные края,
Не к родным небесам.

По погостам глухим,
По слепым деревням,
Через чёрные мхи,
По бледнеющим пням,

По застывшим лесам,
Твёрдо верность тая —
Не к родным небесам,
Не в родные края.

Птица

Птица чёрная о крылах седеющих,
В ветру трепещущих, и голос сорванный.
Перо нагретое душой теплеющей,
Средь птиц таких же, от стай оторванных.

Забери безбожницу, птица чёрная,
Обогрей во льду, накорми воздухом,
И умой росой моё сердце тёмное,
Будто мать, прижми, да развей с порохом.

Ты крылом махни, и прости, прости меня,
Ты пойми меня, ты не плачь — забудется,
Ты оставь, погоди, подожди три дня —
О чём мечтала ты, то и сбудется.

Зря ты, птица моя, меня полюбила,
Словно дочь родную, сердцем плачущим.
Зря, как мать, берегла меня и хранила,
И сама себя повела на капище.

Отпусти меня, вон из сердца выгони,
Не грусти и не плачь, птица чёрная,
Жизнь ненужная хорошо отыграна,
Слишком глупая я, слишком вольная.

Птица чёрная о крылах сломавшихся
Плачет горько, в моё окно стучится,
Средь них, таких же, под старость сдавшихся.
Ты прости меня, птица.

Сон
(Ведьмины пяльцы)

Тень вечерняя вся в узорах,
Льётся золотом, вешней радугой.
В пяльцах слышится шёлка шорох,
Воздух тянется сладкой патокой.

Тень вечерняя в руки ляжет,
Шёлком синим и с нитью глянцевой,
О любимом моем расскажет,
Убаюкает блеска танцами.

Мне привидятся звёзды чуждые,
Стук копыт, бубенцов перезвон,
Королевства и люди дружные,
Блеск старинных чернёных корон.

Смех там весёлый и искренний,
Звонких песен богатые трели,
Взоры полнятся счастья искрами,
Снег — и тот даже пахнет апрелем!

Мы там жили богам подобно,
Мы в объятиях неба купались,
И теперь я рыдаю скорбно,
Потому что с тем миром рассталась.

Запою... слышишь ли голос мой?
Слышишь шорох блестящего шёлка?
Кто несчастья разделит с тобой?
Всё старея, ржавеет иголка...

Оживает на вышивке милый,
В пяльцах шёлк выгорает дотла,
Но жестоки умершие силы:
В сердце милому входит игла.

Погибая, протянешь мне руки,
Я не смею к тебе прикоснуться.
Станет вечной такая разлука,
Мне останется только проснуться.

Тень вечерняя вся в узорах,
Просыпаюсь в поту холодном.
Надрывается ветер в стонах,
Вороньё кружит стаей голодной.

Тень вечерняя в руки ляжет,
Дымка стелется — чёртов шатёр.
Руки грешные крепко вяжут
И с презреньем ведут на костёр.

Песнь братьям-менестрелям

Из Duel-of-fates

Подбросишь в воздух пару слов,
Струны коснёшься вскользь, небрежно
Запахнет воздух нежно-нежно,
И посветлеет неба кров.

И этим небом ты живёшь,
Живёшь веками — пращур мудрый.
Покрытый шляхов серой пудрой,
Ещё не скоро ты уснёшь.

Ты — менестрель, твоя душа
Взлетает к небу алой птицей.
Опять ей суждено разбиться —
Внизу зовёт её большак.

Согнут пути твои крыла,
Осядут годы в сизых перьях,
Но ты поёшь, беспечно веря,
Что это Жизнь тебя вела.

Истёрты камнем башмаки,
В кармане пусто, ни гроша...
А, к чёрту! — ведь жива душа,
Согретая теплом руки.

Звенящей песнью камень с плеч
Ты скинешь бременем ненужным,
И только Песнь твоё оружье,
Тебе не нужен даже меч.

Струны натянутой коснись
И в воздух строчки брось небрежно,
Душе разбуженной безбрежной
Тихонько, мягко улыбнись...

Ты — менестрель. Твоя душа
Тебя с полслова понимает.
Она тебя на память знает,
И тянет к небу не спеша.

Песнь слёз

Из Duel-of-fates

Из тысяч шагов ты услышишь мои:
Их ткали рассветные звёзды,
Они словно лёгкая поступь зари,
Мерцают шафранною гроздью.

На зыбкое небо спешишь вслед за мной,
Но крылья икаровы тают,
На перьях и воске полёт дорогой,
Возможность идти — золотая.

Беги же отсюда — ты падаешь вниз!
Ты слаб, и дрожат твои крылья.
Всё небо твоё — старый скользкий карниз,
Вы, люди, свободу забыли.

Ты падаешь в грязь, а смеёшься, как бог,
Хотел было в высь — не случилось,
Шагнул за дозволенный жизнью порог,
Тебе только небо и снилось.

Предательство неба — полёту цена,
Не нужно идти вслед за мною,
Уж слишком вы слабы, и жизнь вам дана
Одна. Не такою ценою...

Из тысяч шагов ты услышишь мои,
Беги же, ещё ведь не поздно!
Под ласковым светом прозрачной зари,
Совсем не тебя звали звёзды...

Ответ на Песнь слёз
(Джайрин Дикий)

Из Duel-of-fates

...Но утро наступит, и крылья твои
Раскроют объятия небу,
Ты вновь воспаришь из дорожной пыли,
Забыв о потерях и бедах.

А мне бы сегодня допеть до конца
И снова растаять в тумане.
Быть может, наполнятся грустью сердца,
Но хуже, конечно, не станет.

По звёздному небу бежать босиком
Так больно, но всё же приятно.
И вдаль уходить, забывая о том,
Что нужно вернуться обратно.

Цена за свободу немалая — смерть,
И мы бы её уплатили,
Ведь рано ли, поздно — мы сможем взлететь!
Мы сможем найти свои крылья.

Рисуем словами свои миражи,
Играем, не зная всех правил...
А эта игра называется — жизнь.
И фишки мы двигаем сами.

Отложим перо и бумагу. Сейчас
Уйдём в неизвестные дали.
Но сказка продолжится, пусть не для нас —
Для тех, про кого мы писали.

Где Свет? Что есть Тьма? Нет ответа, поверь.
Но мы-то сыграли красиво!
И вот всё окончилось. Ну а теперь
Я всех вас зову выпить пива!

Гранитов Роман (Саан32)

История барда

(отработанные главы)

Синопсис

«Участь бессмертного хроника ужасна,
посудите сами, если вам судьбой предписано наблюдать события,
ужас которых не может передать даже перо бессмертного.
Но самое страшное — нет никакой возможности вмешаться,
впрочем, и здесь есть свои плюсы».

Хроник Фродрикстроновых земель Ниасамант.
Время неизвестно.
Отрывок из утерянного трактата.

Когда всё упорядоченное сотрясалось от событий в шести ключевых мирах: Хьёрвард, Мельин, Эвиал, Скорбок, Вемсте, Зидда, — в другом конце межреальности, почти на его окраине — на самый дальней ставке, — существовал мир, который, по сути, ничем не отличался от остальных. Там были свои боги, свои расы со своими особенностями, и особый род магии, и то, что никак не вписывалось во вселенские Законы Упорядоченного — первосозданные сущности Тьмы, Света и их последователей. До событий, которые происходили внутри хрустальной сферы этого мира, не было никому дела — все были заняты своими особо важными целями.

Те, кто населял этот мир, не жаждали власти над другими существами или мирами. И ни один человек — жрец или пророк — не мог предсказать, что за суровые и непонятные испытания обрушатся на основы этого мира... имя которому Фродрикстрон.

Давным-давно, когда во всём Упорядоченном правили Древние боги, сюда снизошли сущности, которых во всех мирах называют Светом и Тьмой. И нашли там они себе тех, кто призвался следовать их целям и принести себя в жертву ради дела, которое они считали выше своей жизни и жизни любого. Так появились те, кого прозвали последователями Света и Тьмы. Те, кто когда-то был лучшими друзьями, стали чем-то большим, чем просто злейшими врагами, у всех было чувство, что мир треснул пополам, оставляя на одной стороне разлома людей со светлыми помыслами, а на другой — тёмных, с тёмными намерениями. Они были первыми на этой земле, если не первыми носителями сущностей во всём Упорядоченном. Бились они каждый день, пытаясь как можно дальше вытеснить друг друга, чтобы затем уничтожить окончательно. И от накастованных ими заклятий слетали горы со своих исконных мест, высыхали реки, а те, что оставались целыми, меняли русла, океаны выходили из своих тюрем-берегов, затопляя леса, поля и степи.

Были среди Светлых и Тёмных те, кто увидел, что это бессмысленное противостояние до добра не доведёт, и решили они объединить Светлых и Тёмных. Высшие силы сделали их богами. Они же прозвали себя «Богами истины», и нашлись среди простых смертных те, кто поверил их замыслам. Всего богов было двадцать. Шло время, жажда власти ослепила семерых богов, и решили они править миром, забыв о своих изначальных помыслах, и стали они первыми тёмными богами в истории этого мира. Чтобы остановить

их, четыре бога впустили в свою душу Свет и стали светлыми богами древности. Девять богов так и не захотели избирать чью-либо сторону, и тогда Тёмные боги убили их.

Когда жажда противостояния вышла на новый уровень божественных сил, Светлые и Тёмные внезапно исчезли... внезапно для богов «Всебевластья», ведь они были слишком заняты, чтобы отвлекаться на такие мелочи.

Великая река времени текла неспешно... В мир вступили Светлые расы: гномы, люди, эльфы и другие существа. Один из богов древности предвидел, что в будущем этого мира уже назревает великая угроза, и действия надо предпринять именно сейчас, пока не стало настолько поздно, что любой спасительный шаг подтолкнул бы Фродрикстрон к неминуемому разрушению. Тогда боги пошли на «благородный» поступок: всю свою силу, что переполняла их тела, они спрятали глубоко в гномьих скалах, а сами вышли на бой простыми смертными. И даже так они смогли забрать с собой в иной мир одного из тёмных богов. Законы магии Фродриксрона заключались в следующем: любые боги, которые произошли их этого мира, имеют силу, только пока живы их товарищи по «высшему делу», то есть смерть одного из богов ослабляет их всех.

300 лет Тьма безраздельно властвовала над просторами мира, терзая и мучая его обитателей.

Само собой произошло зарождение новых Светлых и Тёмных, но это были уже не те, что топтали просторные земли этого мира сотни лет назад... Главное различие состояло в том, что первые Светлые пришли сюда из Неизвестного, а новые зародились здесь.

Не обошёл стороной этот мирок и сам Спаситель. Снизошёл он с небес до народа простого и стал проповедовать учения свои. Пробыл он здесь совсем не долго, меньше месяца по временных меркам Фродрикстрона, но за столь короткий срок обрёл учеников и последователей своих. Оставил им несколько возможных вариантов Смертного часа — всеми называемого Последней Битвой — и пророчество, что когда сбудется в точности один из них, то он вернётся сюда, чтобы забрать благородных чад, и отправился в своё бесконечно странствие.

Прошёл ещё век. Уже нельзя было назвать Фродрикстрон, свободными землями: их разделяли границы образовавшихся королевств и графств, узнать его не представлялась никакой возможности. Церковь уже основательно закрепилась здесь, пустив корни глубоко в сознания людей, и настолько увлеклась своей главной миссией истреблением ереси, что сожгла на костре пять бессмертных воинов, которые были призваны защитить этот мир от порождений тьмы. Их души после своей трагической и мучительной кончины не обрели долгожданный покой, а были избраны Высшими силами на роль новых богов, которых простой народ окрестил Спасителями, ибо помогали они всем, кто взывал помощи. На место настоящих богов они не претендовали — им это было не нужно. Именно поэтому они не подвергались гонению церкви и инквизиции, храмов они не строили и поклоняться себе не заставляли, им вполне хватало той силы, что получали

от простой веры в них. Поняв в скором времени, что долгому затишью скоро придёт конец и начнётся новая эра противостояния сущностей, создали они оружие своё, которое окрестили Рукой Спасителей, так как сами лично в дела войны вмешиваться не могли, а учеников не имели. Рука Спасителей бродил по Фродристроновым землям — мирам, что окружали сам Фродрикстрон, — и творил дела добрые. Тёмные решили, что Светлые создали прототип идеального воина, и тогда они соткали из основ сущности и элементов магии существо, которое прозвали Апостолом Тьмы: тело было человеческое, но то, что скрывалось внутри него...

По непонятным причинам, разобраться в которых под силу только высшим силам, Рука Спасителей и Апостол знали о существования друг друга, и хотя ни разу не встречались, испытывали друг к другу слепую ярость, перемешанную с ненавистью.

И свершилось то, что простой смертный люд окрестил Великой Битвой. Тьма вторглась со своими легионами теней, чтобы захватить мир этот. Местом своего первого удара выбрала она королевство эльфов. Восемь дней длился бой, когда ряды эльфийских войск поредели настолько, что не могли больше противостоять врагу, а имперские легионы находились в нескольких днях пути от них. Тогда пришёл Рука Спасителей, чтобы заступиться за них. Но это была ловушка. Апостол только этого и ждал, но был сражён в бою. Рука Спасителей думал, что убил его. Только думал что убил...

Весь Фродрикстрон заплатил большую кровавую дань за шанс выжить. Цена оказалась чересчур большой.

Крейн

Звенела гитара... Звенела, нарушая привычную жизнь деревни. Все, кто хоть чуть-чуть слышал мелодичный перебор струн, притихали и с замиранием сердца восхищались музыкой. О нет, она не была чарующей, и старый бард, играющий в таверне, не обладал каким-либо магическим знанием, просто у него был талант играть так, что его слушали, не восхищались, а просто слушали, большее ему было просто не нужно...

В таверне стояла тишина, такая же, как при начале грозного боя, и лишь звук струн вместе с едва слышным голосом пробивал завесу молчания. Гитара просто пела свою песню в руках музыканта. Его звали Кан, но странствующие барды окрестили его Мастером, хотя сам он избегал такого прозвища.

Гитара была сделана эльфами, ещё до Великой Битвы, как подарок его отцу, который в своё время тоже был бардом. Инструмент был необычным и весьма отличался от тех, что делают в своих мастерских людские умельцы. Эльфы всегда отличались способностями «оживлять» вещи, но что побудило их оживить гитару, не скажут даже они сами, ибо перевелись те, кто когда-то в совершенстве владел лесной магией, и они силой одного лишь разума создали такой бесподобный инструмент. Отец не мог играть на гитаре: лишь только пальцы касались струн, как кровь мгновенно выступала с их кончиков. Он думал, что эльфы сыграли с ним злую шутку — дали проклятую гитару.

Шло время, и женщина подарила ему сына. Они окрестили его Каном, в честь звезды, светивший в окно их дома в тот вечер. Отец не желал, чтобы его чадо последовало путём барда, ведь его путь труден — быть всегда вдали от своего дома, родных, тех, с кем всё детство было проведено чуть ли не бок о бок. Чтобы сын не узнал, он спрятал гитару на чердаке.

Время шло, и маленький ребёнок превратился в юношу, не боящегося жизненных испытаний, уготовленных самой судьбой. Крепкий духом и телом, он смело плевал в лицо опасностям, как это делают все мужчины в таком возрасте. Словно по велению высших сил, Кан нашёл гитару, видя нечто подобное первый раз в жизни и, с трудом представляя, что это такое и что именно с этим надо делать, начал дёргать струны... Не прошло и нескольких минут, как из простого деревенского мальчишки появлялся бард невиданного таланта! Звук гитарного боя мгновенно достиг слуха отца, и тот, словно гонимый полчищем тёмных тварей, при свете дня побежал домой, прямиком через всё поле, на котором он работал.

Добежав до чердака, он был несказанно удивлён. Эльфы оказались не такими подлыми, как он уже успел себе представить. Гитара была сделана не для него, а для его сына. Будто бы они уже знали, что это поможет... Как только пальцы сына прикасались к струнам, они начинали, словно сами собой, перебирать их. На корпусе гитары стали всплывать непонятные руны на древнеэльфийском. Теперь отец понял, что избежать судьбы барда его сыну не удастся. Кан был рождён для этого, и судьбою для него уже уготован путь, не вступить на который он уже не имеет права. Понимая, что уже не в его силах что-либо сделать, отец просто благословил сына и собрал его в дорогу.

Много лет скитался Кан, не находя себе места, пока в один день не встретил мага-прорицателя, объяснившего смысл его судьбы — найти того, кто превзойдёт его по умению и кого он будет учить до конца своих дней, ибо тропа судьбы уже вытоптана для нового...

Судьба вела его туда, куда сама не знала, и заставляла многие годы искать его то, что взору её предстать само собой никак не могло. И уже на закате жизненных сил Кан пришёл в деревню дать один из последних концертов, и не ожидал, что найдёт... преемника... послушника... и своего наставника, но пока этот юнец довольно мал, наставлять пока суждено ему!.. а дальше посмотрим...

Со стороны казалось, что музыкант впал в транс. Не нужно было особой проницательности, чтобы заметить это: глаза были закрыты, он едва заметно улыбался, а пальцы, словно сами собой, перебирали струны, сам бард предался сладостным воспоминаниям — единственному, что осталась у него от прежней жизни.

Закончив играть, он разочарованно вздохнул — вернулся из мира грёз и воспоминаний в суровый реальный мир. Обычно к этому времени он успевал закончить выступление, немного поболтать с посетителями и выпить кружечку пенного пива за счёт трактирщика, но сегодня что-то настойчиво подсказывало: надо немного задержаться, побыть ещё немного!

— Алекс, бежим в трактир! — кричал друг. — Музыкант приехал, идём слушать.

— Всё лучше, чем целыми днями торчать в поле и выращивать зерно, — отмахнулся Алекс Крейн.

Они шли по запылённой дороге, ведущей прямо к двери таверны. Трактирщик додумался построить таверну недалеко от деревни, чтобы каждый проходящий путник не мог упустить возможность промочить горло, тем более что для этого заходить в деревню не надо. Дело в том, что ни в одной деревни странников не приветствовали, если это были не бродячие маги или артисты, ну а бардам всегда и везде был особый почёт.

— Слушай, Кир, я сейчас домой забегу, скажу, что со мной всё в порядке, а то мать волноваться будет.

— Ты себя со стороны послушай! — возмущено сказал Кир. — В деревни событие, один из знатных бардов приехал к нам, посетил деревню, более того, решил задержаться, а ему домой бежать надо. Ну что тебе полчаса сделают? А когда ещё на настоящего барда во плоти посмотришь? Да я доплюнуть могу до двери таверны!

— Нехорошее у меня предчувствие... Совсем недоброе...

— Оно у тебя всегда нехорошее. Ну, идём! Мне одному там не по себе будет.

— Ладно, ну потом сразу домой. Договорились?

— А ты ещё места знаешь, куда можно пойти потом можно?!

Тогда Алекс ещё не мог знать, что вернётся домой далеко не скоро.

В трактире было битком народу. Ещё бы, ведь это какой шанс уйти с поля, да к тому послушать настоящего барда, профессионала, мастера, а не тех, кто считает себя великими, потому что сложил несколько баллад... Можно играть и старые: куда важнее, как ты их играешь.

— А, мальчишки, заходите, будьте гостями, — сказал хозяин таверны, который был больше похож на пивной бочонок, чем на человека.

Чтобы попасть поближе к старому барду, Алексу и Киру пришлось изрядно потрудиться — проскальзывать между толстыми пивными животами не такое уж лёгкое дело, как кажется всем на первый взгляд.

Старый бард сидел в своей комнате на втором этаже. Он думал, которое из немногих оставшихся живых чувств заставило его задержаться. И тут, словно в сознании проскользнула белоснежная молния: тот, кого он искал долгие годы, стоит внизу и с замиранием души ждёт его! Кан даже не сомневался, что сможет отыскать его среди такой толпы.

В таверне раздался шёпот: «Идёт, идёт... смотри, он спускается...» По лестнице шагал старик, седые волосы свисали до широкий плеч, за спиной гитара, спрятанная в кожаный чехол, вышитый серебряными и золотыми нитями — признак, что бард из лучших и что он защитил свой титул на Празднике Бардов. Его тело покрывал серый походный плащ, развевающейся даже несмотря на отсутствие ветра.

Едва он спустился, толпа почтительно расступилась, давая место для прохода, и в таверне стало ещё теснее. Как всегда, он не стал восхвалять сам

себя и докучать слушателей долгими и нудными речами, как делало поколение молодых бардов. Он просто сел на деревянный табурет и расчехлил гитару, он не стал искать преемника — судьба приведёт того сама.

Как только взору Алекса престала эта гитара, у него в прямом смысле загорелись глаза... Такого за свои шестнадцать лет он не видел, а бардов за это время посетил деревушку не один десяток. Вот это настоящий инструмент мастера, такого не купишь в какой-нибудь лавке. Бард стал играть старую мелодию, которую помнили ещё самые старые жители деревни, но отчего-то в его исполнении она звучала донельзя красиво, старый мотив обретал новую жизнь, впрочем, как и любая другая мелодия, играемая им.

Закончив, он стал играть вторую, третью, а затем и четвёртую. Время словно замедляло свой ход там, где звучали звуки эльфийской гитары, люди забывали о своих срочных делах, заботах и проблемах, просто наслаждались краткими минутами покоя и не думали ни о чем... Окончив выступление, он одним едва уловимым жестом убрал гитару обратно в кожаный чехол.

Неожиданно мёртвую тишину разбил на тысячи мелких осколков голос трактирщика:

— Давай, Алекс, это твой шанс! Сыграй... Не бойся!

Мастер услышал это и оперся рукой на колено. Юноша, зардевшись, вышел из толпы, ему было неловко стоять перед мастером. В своей деревне он считался лучшим бардом, безусловно, у него был талант, и не малый, но перед мастером выглядел, откровенно говоря, слабо.

— Подойди ко мне, — с интересом сказал бард. — Говорят, что ты играешь и сам сочиняешь баллады.

— Откуда вы знаете, я деревню ни разу в жизни не покидал...

— Каждый разузнаёт тайны по-своему. Ну, не бойся... Поиграй старику, потешь душу!

— Боюсь, она не достойна слуха мастера... — печально сказал Алекс.

— Откуда ты можешь знать это, если мне ни разу не играл её? Трактирщик! Этот юнец довольно скромен, притащи гитару.

Повинуясь, трактирщик побежал в погреб, словно приказал не странствующий седой бард, а отец-инквизитор или сам Император. Всё то время, пока трактирщик искал инструмент, бард настойчивым взором вглядывался «внутрь Алекса». Наконец, бард с почтением протянул гитару Кану.

— Алекс, держи и играй. Я тоже в своё время начинал так. Если музыка твоя настолько красива, как говорят, то бояться нечего, а если нет... значит, придётся учить тебя заново.

Отказать после таких слов у Алекса не осталось сил, уж очень настойчиво требовал мастер... Он подошёл и бережно взял гитару из ладоней мастера. Садиться на выдвинутый Каном стул он не стал, а по привычке подошёл к стене и, закрыв глаза, стал наигрывать мелодию. Поначалу она ничем не отличалась от других — такой же мотив, такой же перебор, всё то... но неожиданно эта иллюзия развеялась: Алекс обладал редким даром — видеть то, о чём играет. Нет, Алекс уже не играл — он творил, пальцы сами выбивали звуки из «окоченевшей» гитары.

Не доиграв и до, середины он остановился, не открывая глаз, отдал гитару трактирщику и спешной походкой направился к выходу. Никто не понимал, что именно прервало мелодию... Он не желал видеть своего позора, просто шёл, стараясь каждым своим шагом сократить расстояние, разделявшие стул старого барда и дверь таверны, и почти достиг выхода, как его окликнули:

— Стой. — Алекс остановился за порогом. Мастер поспешил к нему. — Не спеши так, куда мне, старику, угнаться за тобой. Ответь мне на вопрос — что эта за мелодия?

— Я сам сочинил её...

— У тебя, несомненно, есть талант, но ты боишься раскрыть его, подарить радость людям, ту, которую дарю я. Пойдём со мной, я тебя научу многому.

Глаза Алекса приподнялись, и все его попытки скрыть удивление не увенчались успехом.

— Я подумаю...

— Думай быстрее, завтра с первым лучом солнца я отправляюсь в путь.

Он уже и не вспомнит, как покинул таверну, как дошёл до дома и как мать стала ругать его, но, только заметив его взгляд, немедленно прекратила. Он направился в свою комнату и завалился на кровать. Мысли одна за другой лезли в голову, не давая мальчишке заснуть.

«Мастер, один из лучших, пригласил меня в ученики, а я не могу покинуть дом. Как всё сложно, но почему так?..» — думал Алекс.

Ночью он не сомкнул глас, мысли лезли и лезли в голову, подбивая его на поступок, от которого зависела его судьба. Небо стало постепенно наливаться красноватым оттенком... «Мастер покинет деревню, а новые... Они не могут сравниться с ним... Но как бросить мать? Всё, надо решиться, первый раз в жизни, но это сделать просто необходимо. Надеюсь, когда-нибудь мать сможет понять меня». Достав пергаментный листок, он написал записку:

«Дорогая мама, я ухожу в странствие. Не волнуйся за меня. Я понимаю, что кроме меня у тебя нет никого, но до конца жизни не смогу простить себе, если не решусь сделать этого. Жди меня, и я вернусь. Непременно вернусь, иначе быть не может». Записку он аккуратно положил на деревянный стол и, не собирая вещей, двинулся в путь.

Бард уже закуривал трубку у дверей таверны. Малый походный мешок висел за плечом, радом висела гитара.

— Ты всё обдумал, Алекс? Пути назад у тебя уже не будет... По крайней мере, некоторое время...

— Да.

— Ну, если ты готов, идём.

Два силуэта удалялись в сторону восходящего солнца, судьба вела ещё одного героя на встречу с другими её избранниками.

*

Праздник Бардов проходил раз в три года, и все три года Алекс и Мастер Кан путешествовали по Империи. Для своего первого серьёзного выступления он должен был многому научиться. Уже три зимы и два лета он не видел свою мать и друзей, и тоска вперемешку с грустью день ото дня заполняли его сердце.

«И зачем я только пошёл, зачем согласился?» — мысленно день за днём, каждую ночь и каждое утро, задавал он одни и те же вопросы самому себе, надеясь, что его разум подскажет ответ... Кан видел страдания Алекса, но помочь ему был уже не в силах. «Вступивший на путь не сможет с него свернуть», — так гласила главная заповедь бардов.

Мастер Кан уготовил особую роль для Алекса, и раскусить его план не смогли бы даже величайшие мудрецы из Гильдии Магии.

За всё время, что тот провёл с Каном, он узнал немало: вместе они обошли добрую половину имперских земель, и сейчас путь их лежал прямиком в Светоград.

— Знаешь, Алекс, через месяц состоятся соревнования музыкантов. Там будут барды со всей Империи. Думаю, ты захочешь взглянуть на них?

— Да! Конечно!

— Взглянуть-то ты сможешь в любом случае, а может, что-то и ещё попробуешь...

— Что вы имеете в виду? Целый год говорите одними загадками. Я уже от этого изрядно устал...

— Всему своё время. Есть вещи, о которых до определённого времени тебе знать не обязательно.

Дорога уже не столь утомляла юного музыканта, а те неприятности, которые она всё-таки преподносила, уже не были столь неожиданными и тяжёлыми, как в начале пути. Жизнь может научить многому, стоит только внять её урокам.

Светоградские горы показались из-за небольшого холма. Алекс был потрясён до глубин своей души... Белые стены поднимались с каждым его шагом, словно росли специально, чтобы показать свою величавость путнику. Казалось, всё в городе высечено из белоснежного камня. Поля и сады распростирали свои объятия, вея прохладой и надеждой. Всё-таки осталось в Фродрикстроне место, куда знаки войны не докатились. Люди были счастливы, даже несмотря на возложенную на них тяжёлую работу.

Мастер Кан заметил, что его ученик повеселел. Впервые за три года странствий на его лице появилась искренняя улыбка. Не желая мешать ему, старый мастер отошёл в сторону, доставая деревянную трубку, обитую серебряными кольцами. Усевшись в тени горы, он смотрел на сияющего искроенной радостью Алекса, стоящего на утёсе и с интересом разглядывающего пейзаж долины...

— Мастер, а нас в город пустят?

— Пустят ли в город? — он засмеялся. — Да куда они денутся. Хотя ты сам себя можешь не пустить. Скажу тебе ещё раз — всё зависит только от тебя самого, — вдруг поправился он.

Какой же красивый Светоград, и как много лжи в словах тех, кто говорит, как некрасив и ужасен этот поистине чудный город.

Говорят, что Светоград строили на руинах какого-то древнего города люди, гномы и эльфы. Эльфы вложили в него знания и мудрость своего народа, гномы — крепость скал, а люди — усердие и власть. Дойдя до входа в город, юный бард был удивлён: мост опущен, вместо ворот стояла внушительных размеров арка, и возле неё не было стражи, только двое паладинов стояли дальше, уже в самом городе. Выражение их лиц оставляло желать лучшего — полное уныние и чувство пустой траты времени.

— Теперь держись, многие не выдерживают, — проговорил чуть слышно Кан.

Дойдя до обширной тени, отбрасываемой аркой, Алекс вдруг схватился за голову, пытаясь как-то сбить волны внезапно нахлынувшей боли. Каждый шаг становилось делать труднее, словно к ногам приковали железные ботинки, залитые внутри свинцом.

— Главное — не останавливайся и не сдавайся, каждый проходит через это, — по бороде Мастера струились едва заметные струйки крови. Он тоже не являлся исключением.

— Мастер... Больно... Тяжело...

— Терпи, считай это одним из трёх главных испытаний своей жизни. — Первым было родится на свет, вторым — совершить остающийся в памяти поступок, а третьим — достойно умереть.

Взгляды паладинов пересеклись на двух странниках, и руки незаметно потянулись к золотым эфесам мечей.

Как только странники вышли из-под власти тени, о страшной боли напоминали лишь кровавые пятна на одежде.

— Можешь даже не задавать вопрос, я тебе сразу отвечу. Лесные эльфы построили эту арку, чтобы ни один человек с тёмными намерениями не смог войти в город, а люди наложили поверх магии эльфов свою. Сейчас арка полностью обшарила твоё сознание и, не найдя ничего злого, впустила тебя. А если хоть одна подобная мысль пробежала бы хоть мельком... ты бы и остался там лежать, и очнулся или в темнице, или уже на Каторжном берегу. Ты не переживай, с каждым разом, когда ты будешь её пересекать, будет легче. Но как только помыслишь сделать что-то плохое в Светограде, то берегись...

Алекс ничего не сказал, лишь шмыгнул носом, втягивая каплю выступающей крови.

Они петляли по узким улочкам довольно долго, пока не дошли до западной стены Светограда, где расположилась неприметная лавочка. Путники прошли внутрь, в помещении был дурманящий запах стружки и лака, а у прилавка стоял маленький старичок.

— Здравствуй, Аристарх, да продлит Спаситель дни твои! — поздоровался Мастер со стариком

— И тебе также. Отчего же так долго не появлялся, неужели забыл про старого друга? Да, кто это с тобой?

— Алекс, поздоровайся с мастером Аристархом!..

— Здравствуйте, мастер...

— Этот человек сделает тебе гитару. Аристарх, — взгляд Кана плавно перешёл с Алекса на старика. — Нам нужна гитара.

— Хорошо, через двадцать дней будет готова. А пока давай пойдём в трактир, выпьем по кружечке свежего гномьего пива, да и вспомним былые времена.

В трактире было весело, пиво и другие напитки лились рекой изобилия, все посетители были довольны, а сам трактирщик только и успевал, что бегать в погреб за очередной бочкой пива.

— Да, скажу тебе, друг, музыканты уже не те. Гитары им подавай покрасивей да понарядней, а толку от этого, если играть не умеют?

— Твоя истина. Но этот парень сможет сыграть, давно я таких не видел, и не смотри на столь юный возраст, это не помеха. Ты не поверишь, но в свои семнадцать он играет так, что я заслушиваюсь. Понимаешь? Я!

— Так ты хочешь выставить его на соревнования?

— Да. Ему светит большое будущее, надо только, чтобы он поверил в свои силы...

— Ты редко ошибаешься, и если твои слова правда...

Они остались жить у Аристарха. Каждое утро Алекс прибегал в мастерскую и с заворожением сердца наблюдал, как создаётся его инструмент.

Как и обещал старик, ровно через двадцать дней гитара была готова. Покрытая красным лаком каменного дерева и вся украшенная вырезанными узорами.

— Попробуй, сыграй, — сказал старик, протягивая свежей инструмент Алексу.

Инструмент был прекрасен. На нём не было ничего лишнего, всё гармонировало друг с другом.

— Струны здесь стоят отличные. Таких нет ни у кого в Империи. Если верить словам Кана, то ты и на простой гитаре сможешь сыграть восхитительно. Но лишнее не повредит. Они сделаны в Великой Кузнице Подгорного Племени. Ты не пугайся, в ней нет никакой магии... Почти нет... Но об этом чуть позже.

Алекс дрожащими руками взял инструмент. Радость с выразительной лёгкостью читалась на его лице. Впервые в жизни у него появилась вещь, которой следует дорожить. Конечно, родителями он дорожил, но то живые, а вот вещь, да причём такая красивая, у него первая и, как это ни прискорбно звучит — последняя. Вряд ли он увидит что-нибудь, что лучше, чем эта гитара — творение поистине велико гитарного мастера — Аристарха.

Едва только кончики пальцев коснулись поверхности струн, как словно сама собой полилась баллада, та самая, что он исполнял впервые в таверне

перед мастером Каном. Но сейчас она звучала донельзя лучше, донельзя красивей, донельзя прекрасней. Гномьи струны. Вся прелесть льющейся музыки заключалась в них. Но каким образом они производили таким звуки, для Алекса оказалась загадкой — Аристарх не открыл их секрета. Обычный с виду кусок дерева едва не ожил от музыки Алекса. Он исполнял «Балладу о последнем бое Светлого Воинства с Исчадьями Тьмы». Название он придумал лишь на второй год путешествия.

Всё то время, что пальцы били по струнам, Алекс находился словно в трансе. Перед его глазами предстала вживую та картина, которая происходила на самом деле. Разум парил в просторах астрала, в то время как руки послушно выбивали ритм, отпечатанный в сознании долгими тренировками. Как только закончилось видение, завершилась и баллада. Тело болело, голова раскалывалась, руки сводило.

Аристарх смахнул слезу:

— Да. Верно говорил о тебе Канн. Он редко ошибается. В тебе есть талант.

Алекс всё ещё не мог прийти в нормальное состояние после такого...

— Ну что, юный бард? Как ощущения? Считай это видение моим подарком для тебя. — Глаза Алекса выразительно расширились, а брови устремились ко лбу. — Именно в этот день сто лет назад произошла Великая Битва. Если ты хочешь победить на соревновании и исполнить эту песню, ты должен видеть её как можно чётче.

— Мастер. Вы меня поражаете меня всё больше и больше...

*

Наконец, настал день состязаний. Мастер Кан вёл Алекса к главной площади Светограда, где, собственно, они и должны были состояться. Даже несмотря на столь раннее время, площадь была забита народом. Все спешили занять места получше.

Музыкантов было ничуть не меньше, чем представителей обычной людской массы. Были люди и нелюди с гитарами, с флейтами. Были и эльфы со своими изящными табрами — странным инструментом, сделанным из выточенных камней, в гномьих пещерах, и обитым деревом эльфов.

На возвышении перед столицей Света. (Светлые использовали это место как главный центр скопления светлой магии. Люди верили, что управляют и живут в Светограде исключительно Светлые, и истинные носители Света получали здесь силу.)

— Дорогие участники и гости. Мы благодарим вас, что вы пришли, несмотря на столь трудное и тяжёлое время для расы людей. От имени Святой матери Церкви, объявляю музыкальный праздник открытым. Пусть музыка, услышанная здесь, пребудет с вами всё время!

Толпа оживлённо загудело, выказывая тем самым своё одобрение.

Многие барды и иные музыканты выступали перед народом. И несмотря на долгое время, которое продолжался праздник, люди не устали, они

просили ещё и ещё, требовали большего. Много баллад услышали в этот день, и самые разные гитарные аккорды звучали, неся радость и ублажение людям. Под конец подошла очередь Алекса. Волнуясь, неуклюжим движением взял он гитару в руки и заиграл... Что же за звуки лились из неё! Гудевшая толпа замолчала. Он играл, повинуясь её желанию, и лишь его голос, так мелодично сливавшийся с гитарным перебором, пробивал внезапно опустившейся занавес молчания.

Его баллада закончилась. Теперь очередь судей решить, кто будет удостоен носить титул великого музыкального мастера Империи. Откинув рукав, Алекс резким движением вытер выступающей обильными каплями пот со лба и пошёл к Мастеру.

Люди один за другим смахивали слёзы, так некстати показавшиеся на глазах. Учитель оказался не исключением — он рыдал, словно годовалый младенец. Плакали и судьи, такой игры они больше не услышат из уст другой гитары, другого барда. Алекс такой один. И никто... Никто больше не в силах управлять людьми так, как делает это он с помощью музыки.

Главный судья встал, давая понять, что слёзы на его глаза — это не эффект музыки молодого барда, а лишь необходимость.

— Думаю, всё ясно... Победил юный Алекс, ученик Мастера Кана!

Толпа одобрительно загудела...

Вечером они втроём собрались в таверне. Теперь уже и Алекс имел полное право носить титул мастера.

— Вот и всё, Алекс. Ты стал настоящим мастером. Больше мне нельзя находиться с тобой и сопровождать тебя в странствиях... Завтра наши пути разойдутся.

Оставшийся вечер они провели в пиршестве, вкушая различные блюда этой таверны.

Утром, когда Алекс проснулся, он не обнаружил Кана. Даже трактирщик не заметил, что тот ушёл. Всё в этой комнате напоминало о его присутствии. Странно, но все вещи остались на своих местах, только гитара, её Алекс так и не смог найти.

Закинув гитару за спину и расплатившись с трактирщиком, он направился обратно. Ему предстояло многое рассказать и объяснить своей матери, своим друзьям...

Путь назад занял больше времени, чем в начале странствия. Он обошёл все деревни, в которых только они с мастером Каном появлялись, но никто его не видел, никто. Словно он пропал, испарился, исчез...

Через год он дошёл до своей деревни. Ничего не изменилось, разве что его друзья успели обрасти щетиной, а у стариков изрядно прибавилось седины. Своего дома он не узнал. Через столько лет он превратился в прогнивший кусок дерева, окна были забиты досками, которые успели обрасти зелёным мхом. Никто в деревни не мог сказать точно, где его мать. Одни говорили, что она умерла, другие — что куда-то ушла, но точного ответа не смог дать никто.

Тёмный эльф в непризнанной столицн

Однажды в Мелких Княжествах появился странник. С виду он ничем не отличался от людей, давно живших здесь, но было в нём что-то, что заставляло бояться, и где бы он ни появлялся, люди расходились, сами не зная, почему. Лицо странница закрывал чёрный капюшон.

В столице непризнанного королевства царил хаос и беззаконие, на воровство и убийства никто уже не обращал внимания, это стало чем-то обыденным в жизни подданных Мелких Княжеств. Преступники не боялись ни городской стражи, не ополчения. Всего пара золотых монет — и взгляд любого из солдат притуплялся.

Еды не хватало. Один неурожайный год за другим уносили в могилы много жизней. Посеянные зёрна не прорастали, деревья не приносили никаких плодов, а в леса стало опасно ходить, и даже страшный голод не мог погнать туда людей. Вследствие всего этого стали закупать провиант в Вольных городах, но легче от этого не стало никому, цены поднимались день ото дня. От голода гибло столько людей, что ни одна война в пределах Мелких Княжеств не уносила столько жизней. У старухи в рваном балахоне и с косой в руке работы было с избытком.

Посланник шёл сквозь толпы людей, мимо пустых лавок и рынков, вдоль заброшенных мастерских. В городе на него смотрели с презрением: «И так еды мало, а ещё деревенские нищие подати идут просить, самим не хватает», — думали все. Со стороны он напоминал бродягу или монаха-отшельника.

Каменный замок стоял в самом центре непризнанного королевства, его стены за долгие годы успели врасти в землю и пустить там свои каменные корни. Вход он имел один, и охраняла его самая лучшая стража из гвардейцев короля, которая менялась два раза в день. На лицах гвардейцев читался гнев, они присягали не королю, а справедливости, а сейчас ничего поделать не могут, ведь понятия справедливости у них и у короля разные. Гвардейцы с молниеносной быстротой успевали осматривать всё, примечали любого, замечали любое движение. Они были готовы убить любого, кто подойдёт достаточно близко, а вопрос, правомерно ли было убийство иль нет — это уже вопрос второстепенный: король и так устал от нищих, бродяг и попрошаек.

Странник двигался к проходу, в его походке читалась уверенность. Взгляды гвардейцев одним резким движением пересеклись на нём. Наблюдая за ним, они вытащили наполовину свои мечи из ножен — явный знак предупреждения, что ему следует убираться отсюда как можно быстрее. Но странника это ничуть не смущало, скорее наоборот, придавало силы. Он шёл с уверенностью, подобной только уверенности дикого зверя.

Внезапно один из гвардейцев нанёс удар, но, к его потрясению, меч был обхвачен ладонями странника, а затем, выбитый из рук, отлетел в сторону. Второй стражник уже занёс лезвие меча для удара, но резкий взгляд странника в прямом смысле испепелил меч до самой рукояти. Оба гвардейца

попятились назад, такого они не встречали никогда, и вряд ли когда-либо встретят ещё.

...

Он вошёл в тронный зал. Ему никто не препятствовал. Там, в конце, восседал на непризнанном троне король. С виду ему можно было дать лет тридцать, с гладковыбритым лицом, широкоплечий, внушительного роста. По правую руку на троне лежал меч, украшенный золотыми нитями. Король не заметил, что в его зал вошёл посторонний, его сознания и разум отдыхало, он спал.

— Да продлят силы магии дни твои, — сказал странник. От этих слов король проснулся. Он был явно недоволен, что его потревожили. Ответом страннику послужило грозное молчание. — Я прибыл к тебе с предложением, от которого ты не сможешь отказаться. — И вновь ответа не последовало. Лишь взгляд короля стал суровее. — Знаю, что ты обеспокоен приходом чужестранца, о котором ровным счётом ничего не знаешь. Но не суди по внешнему облику, я приготовил для тебя дары. Вот, прими это. — Он кинул кожаный кошелёк. Рука восседавшего машинально поймала его. — Могу заверить, таких алмазов и топазов ещё не было в твоей сокровищнице...

— В деньгах ты не нуждаешься. Тогда о чём ты хочешь просить меня, чужестранец? — с недоумённым видом произнёс король.

В тронный зал вбежало два десятка вооружённых луками и арбалетами ополченцев. Послушался шум натягиваемой тетивы.

— Значит, так вы встречаете своих гостей? Неужели вы думаете, что ваше оружие сможет причинить мне хоть малейший вред?

— Незнакомец, твоя дерзость не ведает границ!!! Я приказываю, покажи мне своё лицо!

— Знаешь, король, у тебя нет надо мной власти, но я почему-то верю, что нашу беседу можно ещё закончить хорошо. — Он скинул капюшон... Чёрные как смола волосы упали на плечи, показали тёмные острые уши.

— Не может быть... Вас ведь нет... Вы все погибли!!!

— Это очередное ваше заблуждение, люди. Мы не погибли, а, как видите, живы. Позвольте представиться — Тёмный эльф собственной персоной, вечный житель Проклятого леса.

Никто не знал, что делать, впервые в жизни они видели Тёмного эльфа, как его убить, никто не знал, считалось, что их раса после Великой Битвы живёт только в легендах и балладах.

После их предательства в Великой Битве их сородичи, Светлые эльфы, прокляли их на вечные муки, но люди почему-то считали, что проклятье эльфов — это смерть. Так и было до того дня, но, очевидно, эльфы нашли что-то пострашнее, чем смерть...

— Давай оставим этот королевский этикет, у меня крайне мало времени. Ты позволишь начать?

— Конечно.

— Обстановка в вашем королевстве накаляется день ото дня, сколько ещё поданные станут терпеть? Неделю? Месяц? Ну, что не год, это уже и так ясно. Как вы знаете, южные области Империи плодородны, а в эти дни крестьяне заканчивают собирать урожай. Все солдаты стоят на линии фронта. В пятидневном переходе нет ни единого легиона, остался только отряд паладинов — любимчиков Императора. Вам представляется отличный шанс прокормить людей и пополнить свои и их кошельки. Мы предлагаем напасть на Империю!

— Всё очень заманчиво и всё почти идёт в нашу пользу, только вот моя армия не подготовлена к войне.

— Откройте глаза, в ближайшем времени у вас под носом начнётся война, выбор за вами...

— Допустим, я согласен, и что ты мне предлагаешь делать?

— С этого и надо было начинать, а то закатили тут представление. Завтра ты найдёшь мешок золота, слева он постели. На него ты возьмёшь отряд наёмников в Вольных городах. Найми самых лучших, не скупись на деньги. Через две луны к тебе придёт наш посланник и принесёт зачарованное оружие. Простое ты можешь выкинуть. Ты согласен?

— Я-то да, но в чём подвох? Ты сделаешь для меня столько всего, но что же потребуется взамен?

— Об этом не думай, сущая мелочь. Не забивай свою голову проблемами, сущность которых тебя не касается. Произнеси Клятву Королей, чтобы закрепить наш договор.

...

После выхода из замка за ним следовали следопыты короля, но как только до Проклятого Леса оставалось пару лиг, он исчез. Зашёл за дерево — и всё... Больше его не видели и отыскать не смогли.

В просторах Фродрикстрона что-то затевалось, цепь ужасных событий должна была произойти в скором времени.

Тем временем в Проклятом лесу:

— Отлично, всё идёт по плану. Скоро Мелкие Княжества нападут на Империю. Это отвлечёт внимание от линии фронта.

— Но к чему это тёмным?

— Не знаю, мне это неинтересно. Главное, что они нашли способ ослабить проклятье. Они горят желанием воскресить своего Апостола и видят это только через Свет. Только с чего они взяли... похоже, гибель их орудия выбила все остатки их разума, хотя в их действиях просматривается некая последовательность и нечто ещё...

— Не знаю, не знаю, они странно себя ведут последние время.

Драгомер

Драгомер был тем, кого называли во многих мирах Фродрикстроновых земель Вечным Странником, человеком с проклятой душой. Хотя кому проклятье, кому дар — всё относительно... Но сам он не знал, кто он такой: думал, что не знал...

Когда-то он обитал в одном мире неподалёку от Фродрикстрона, где по сей день идёт война Легионов Людей с Ордами Нежити. Эта бойня длилась уже около шестидесяти лет по летоисчислению Дольминстрона. Ни один смертный даже не вспомнит, как это началось. Внезапно на процветающий во всех смыслах этого слова мир напала нечисть: зомби, вампиры, оборотни. Они буквально взялись неоткуда и навязали войну светлым расам. Драгомер был один из первых добровольцев, который вступил в когорту рекрутов Нового Рассвета. Он быстро зарекомендовал себя: полководческие и стратегические таланты Драго (так его называли друзья и те, кому он доверял больше всего свою жизнь) дали о себе знать в нужный момент. Из вспомогательной когорты она превратилась в специальный отряд, который посылали в самые жуткие места сражений, не утихавших ни на один день и требовавших незамедлительного решения.

Драго, как всегда, после тяжёлого рабочего дня не забывал посетить один из трактиров, чтобы выпить кружечку-другую хмельного эля, но просто выпить ему удавалось крайне редко, чаще всего он напивался и шёл в бой уже довольно поддатый. Его это нисколько не смущало, разве что сначала солдаты его когорты поглядывали на такой способ войны с некоторым непониманием, но потом оценили его задумку и стали всячески подражать своему командиру.

И вот в одну прекрасную ночь после дюжины-другой кружек эля он решил развеселить окружающих его солдат. Да к тому же на этот шаг его подтолкнула обстановка скукоты и всеобщего уныния, и чтобы как-то поднять настроение окружающих его солдат, да и своё собственное, он сказал:

— Друзья и собратья по оружию, настал час узнать вам всю правду обо мне, ту, что я тщательно скрывал от вас... — вмиг гудящий муравейник, словно по мановению руки, могучей и всевластной руки, замолчал. И десятки пар глаз устремились на опешившего Драго, который явно он не ожидал, что сможет привлечь внимание одной лишь красивой фразой. — В дальних уголках моего сознания затаились остатки человеческой совести и разума, и они настойчиво требуют, чтобы вы знали... — в зале царила тишина, даже мухи, летавшие в изобилии над потными и грязными солдатами легиона Северных защитников, не смели нарушить её, словно сами слушали, заворожённые этой речью. — Я — последователь сгинувшего Мрака, наместник Зла и разрушения, правая рука чумы и горя. В общем, обычный Тёмный. — Закончив, он улыбнулся давно сдерживаемой улыбкой. Но, к удивлению Драгомера, никто не засмеялся. Сказать по правде, он был в полной растерянности. Его задумка увенчалась полным крахом, и как

исправить сложившееся положение, он не знал. Не раздумывая долго, Драгомер сказал первое, что пришло в голову:

— Пьяные шутки, — и попытался придать лицу как можно более дружелюбное и искреннее выражение.

Дело в том, что все жители этого мира свято верят в то, что Тёмные — это ещё одно название демонов, тех, кто не одно тысячелетие правил здесь и которых ценой неимоверных усилий удалось изгнать обратно в подземный мир. А он только что чуть при всех не назвался одним из них. Слава Свету, вовремя одумался и осёкся на собственной глупости.

На следующий день все, кто видел его, спешно отходили в сторону или начинали шептать что-то на давно мёртвых языках: шутки шутками, а от тьмы подальше надо держаться. Видно, забыв о вчерашней истории, он не понимал, что происходит. Не дойдя до базарной площади несколько десятков шагов, он был остановлен человеком в чёрном балахоне, лицо которого было спрятано в тени такого же чёрного капюшона.

— Ты обратился словами своими к силам мрака, в шутке или нет, — на миг Драго показалось, что незнакомец улыбнулся, но лица он так и не увидел. — Смел сказать, что ты Тёмный. Такими вещами не шутят даже мысленно, друг мой. Не буду утомлять твой слух долгими и бесполезными речами — впусти в свою душу Тьму бездонную и стань одним из нас.

Он воспринял это как весьма неудачный розыгрыш и решил проучить неопытного любителя подобных шуток. Сделал богатырский замах, целясь в челюсть, но кулак прошёл сквозь, будто там ничего и никогда не было, кроме пустоты. Лицо Драго перекосилось до неузнаваемости. Ещё бы, за свою жизнь поведать столько всевозможных порождений Тьмы, знать чуть ли не наизусть каждого Тёмного и не представлять, что такое стоит перед тобой. Да, с таким ему никогда не приходилось сталкиваться так близко, тем более, он ничего не знал об этом существе, а врага, как говорится, следует изучить перед тем, как начать убивать ему подобных.

— Глупец!.. — не успев договорить, существо в чёрном балахоне кинулось к близлежащей стене, которая отбрасывала довольно большую и густую тень. Назвать его человеком язык не поворачивался, облик хоть и человеческий, но что-то скрывается за ним, что-то очень страшное и грозное, явно не со светлыми намерениями... Драго кинулся вслед за ним, но тот исчез, он только что и успел моргнуть глазом, а его уже и след простыл.

«Кому расскажу, за психа примут... Но кто это?! Вернее — что это?! И что за магия его окружает? Такая, говорят, была доступна только Древним магам (они почти все до единого сгинули в небытие в день Кровавого Восстания, а те, что избежали этой участи, умерли своей смертью, не найдя тех, кому бы смогли оставить свои тайны), но это не один из них, клянусь своим мечом!» — мысленно рассуждал Драго.

Он шёл по торговой площади, где продавцы бегали и во всю глотку зазывали в свои лавки наивных покупателей, сейчас до них не было никакого дела, он шёл, погружённый целиком и полностью в самого себя, казалось, его больше ничего не волнует в этой жизни...

— Драгомер!!! Капитан Драго!!! Стойте!!! — за ним бежал легионер и орал ему в след что есть мочи, но он даже не обернулся. Сейчас ему было совершенно не до этого. Встреча с *этим* выведет из обычной колеи жизни даже самого смелого охотника за приключениями.

Капитан заметил его, вернее сказать, почувствовал чью-то руку у себя на правом предплечье.

— Вам нужно срочно явиться в ставку Легионерского собрания. Что-то весьма срочное. Там все генералы сами на себя не похожи, ищут вас! — гонец говорил, запыхавшись. Ещё бы, попробуй найди «вольного капитана» в торговом городе. Видно, оббегал все места, где только могло вздуматься появиться Драго, а на базарной площади встретил его совершенно случайно и был безумно рад этому.

Капитан ничего не ответил, только неуверенными шагами на слегка дрожащих ногах зашагал по дороге, выложенной из чёрного горного камня (довольно редко и дорого, но кого могут волновать деньги, когда вопрос существования расы людей в этом мире стоит под большим вопросом? — этот путь выложили из того, что оказалось под рукой), он снова испытал чувство страха, хотя много лет назад обещал забыть его. Видать, что-то действительно мощное заставило его нарушить своё обещание... невольно, конечно, но...

До ставки они дошли довольно быстро, минут за тридцать по меркам Дольминстрона.

У входа его уже ждал один из генералов. На его лице легко читался страх вперемешку с отчаяньем. Сейчас он походил больше на ребёнка, разбившего тарелку и не находящего оправдания для строгой матери.

— Наконец-то, — тень ужаса мигом пропала, уступая место безграничной радости. — Вы-то и нужны нам сейчас...

Правду сказал гонец. Вся ставка сошла с ума — или вот-вот сойдёт. Все куда-то бегали, суетились, что-то яростно обсуждали, доказывали, но, только завидев Драгомера, все в один миг замерли, словно в дверном проёме сейчас стоял не капитан особой когорты, а сам Спаситель. Драго по-прежнему молчал, не произнёс с того инцидента возле базарной площади не единого слова.

— Нечисть... нежить... а тьма их всех разберёт... — запутался в своих словах один из генералов, — штурмует бастион заграждения. Это наша главная точка в обороне северных земель, если этот бастион падёт, нам будет весьма трудно удержать земли. — Сделав небольшую паузу, чтобы сглотнуть приличное количество слюны, успевшей скопиться за столь короткое время в горле. — Атака началась ещё вчера, а гонец прибыл только сегодня, — взгляд Драго невольно заскользил по стенам и наткнулся на человека или, вернее, на некое его подобие, лежавшего на кровати, тело было полностью обмотано тряпками, лекари не успевали менять повязки. Невооружённым глазом можно было заметить, что магические способы лечения не принесли явных улучшений, и лекари воспользовались старым, но проверенным временем способом — прижигание ран раскалённым железом.

Генерал заметил, что Капитан не слушает его, да и взгляд был направлен совершенно не в его сторону. Но не время сейчас ругать того, кто должен оказать услугу чуть ли не всему Дольминстрону:

— Магические способы передачи посланий не работают, словно кто-то высосал все магические силы в районе бастиона.

Драго посмотрел так, как будто был согласен с вышесказанным.

— Такого количества тёмных тварей мы не видели ни разу, — продолжил генерал. — Легионерам долго не выстоять. Вы и ваш отряд немедленно отправляются туда. Как только вы окажетесь там, будете помогать им, удерживать бастион столько, сколько потребуется для подхода наших резервных легионов из ключевых городов. Мы перенесём вас туда с помощью телепортации. Удачи, капитан, она вам очень понадобится! — речь генерала походила сейчас больше на отчёт только что призванного рекрута, чем на речь гордого и всезнающего наставника легионеров.

Не успел Драго проронить и слова, как мир в прямом смысле этого слова ушёл из-под ног, убежал испуганной кошкой. Он остался висеть пустоте, где есть только он, и молочная белизна, и жуткое ощущение скорости.

Спустя немного времени Драго и его люди стояли на западной стене, их всех собрали из разных уголков Дольминстрона, где каждый проводил свой долгожданный отдых. На такой случай маги сделали кольца телепортации: любых людей можно будет собрать вместе, как только потребуется... Генерал не соврал: и правда, такого сборища разных пород Тьмы Драгомер ещё не видел. Они шли настолько плотно друг к другу, что земли не было видно под их ногами. Было безумно интересно, как защитникам уже второй день без отдыха удавалось не подпустить их близко к стенам. Легионеры на дальней стене бросали пилумы, расстояние уже позволяло, Тьма давила просто числом тупых тварей. Лучники, расположившиеся на верхних дозорных башнях, одну за другой выпускали стрелы, даже не целясь: густота такой живой массы поразила бы даже самое больное воображение, кидать пилумы или выпускать стрелы можно было с закрытыми глазами, промахнуться было невозможно, а вспомогатели только и успевали бегать на склад за очередной порцией метательного оружия. Хотя стены бастиона были достаточно высоки, стена из мёртвых росла, и кипящая смола словно уже и не была помехой для наступающих. Все они шли на свою вторую смерть, а для кого третью, четвёртую и так далее! Но вдруг раздался жуткий свист, от которого Драго упал на одно колено (два он не преклонял ни разу в жизни, даже перед священником или королём) и невольно зажмурился. Ему показалось, что прошла не одна вечность, прежде чем душеразрывающий свист закончился. Даже не открыв глаз, он понял, что что-то изменилось, но любопытство взяло вверх, и он раскрыл глаза: такое же небо, такая же земля, воздух, легионеры такие же, вот только не шевелятся почему-то. Вглядевшись повнимательней, он не поверил своим глазам: всё вокруг замерло, словно кто-то заморозил всё живое вокруг. На такое не способен ни один смертный маг, а высших не осталось, но следы магии Драго ощущал достаточно сильно, и притом весьма необычной магии, той, которая давно считалось утерянной. Невольно он обернулся... то, что он увидел, поразило его куда больше, чем

встреча с существом возле базарной площади. В то время как основная масса нежити штурмовала западную стену, такая же куча, или слегка поменьше, обошла бастион и забралась по восточной стене. Удивительно и парадоксально, но мёртвые создания впервые за столько лет проявили способность к мышлению. Об этом и помыслить было страшно: конечно, было куда легче убивать мертвецов, когда ими двигало одно лишь чувство голода.

Присмотревшись повнимательней, он увидел, что почти у каждого легионера стояло за спиной по вампиру, трупу или оборотню (когда они только успели, ведь минуту назад они толпились у нижних стен), готовому разорвать на куски ни о чем не подозревавшею жертву. Тех же, кто успевал их заметить, переполнял такой ужас, что им просто хотелось забиться в самый дальней угол бастиона и не высовываться до конца сражения. Читать их мысли было не обязательно, всё было написано на их искажённых лицах.

— Насмотрелся? — прогремел голос с верхней башни бастиона. Чёрный силуэт заскользил вниз по гладкой поверхности гномьего камня прямиком к Драго. Причём высота была довольно внушительной, и никакие чудеса акробатики или даже магического вмешательства не помогли бы приземлиться целым и невредимым или даже отделаться парой ссадин... Только смерть грозила такому прыгуну, и ничего более.

— Как?.. Кто?.. — только и смогло вырваться из горла Драгомера.

— Как? Тебе не понять. Кто? Зачем тебе это знать? Ты и так достаточно наворотил... Видишь, всё это, — собеседник обвёл рукой погибших и тех, кто уже смог подняться на стены,— это всё только по твоей вине, винить высшие силы не имеет смысла.

— По моей???

— Именно... Закон равновесия сделал своё дело. Ты подарил возможность этим тварям мыслить по-человечески, именно ты, а не кто другой, своим поступком вызвал их все на штурм бастиона...

— Почему именно я? Да кто ты такой вообще! — набравшись смелости, Драго пытался показать, что это его нисколько не удивляет, но это получилось из рук вон плохо.

— Ты сказал, что ты Тёмный, а это даже мысленно нельзя произносить, и это знают все, начиная от крестьян и пахарей, заканчивая магами и генералами! Если ты не определился с выбором стороны, но это ещё не самое страшное. Где-то часов шесть, а может, и семь назад ты встретил тёмного воина. Правду сказать, я их уже лет шестьсот не видел, ты в некотором смысле счастливчик, хотя встреча с ним не сулит ничего хорошего как для тебя, так и для кого ещё. Так вот, он предложил стать на тропу Тьмы, а ты его ударил. Дай ты ему обыкновенный отказ, всё обошлось бы небольшими всплесками... э-э-э... небольших атак тёмной орды, а так — сам видишь... Короче, не буду утомлять тебя красноречием и цитатами из великих трактатов и фолиантов, самое страшное для этого мира ещё впереди, и если я не приму меры, эти страхи воплотятся в жизнь, а вслед за ними одно за другим станут сбываться пророчества. — Можно было понять, что он говорил это весьма неохотно, но что-то заставляло произносить слова. — Признаюсь тебе, я у меня были

на тебя совершенно иные планы, жалко, что ты испортил, всего-то одной фразой. Ладно, я проклинаю тебя, а в данной сущности твою душу. Ты проживёшь несколько жизней, после твоей смерти душа не отправится в серые пределы, а будет скитаться по Фродрикстроновым землям. Ты ничего не вспомнишь, ты искупишь свою ошибку, но настанет день, когда ты пригодишься кому-то другому, и ты вспомнишь всё. Абсолютно всё. Первая твоя смерть начнётся именно сейчас... — человек-акробат ушёл от ответа на вторую часть вопроса довольно оригинальным способом, решив не отвечать.

— СТОЙ!!! — заорал Драго что есть мочи.

— Ну что? ЧТО?

— Неужели все эти люди погибнут?

— Да, ты подтолкнул их к неминуемой гибели.

— Помоги, прошу тебя! — в левом глазу Драго выступила еле заметная слеза.

— Им? Нет. Но другим помогу, по мере своих возможностей. То есть, поясняю, я закрою портал, откуда вся это компания лезет, но ненадолго, ну, если удастся, подкину пару идей генералам и верховным магам. Но большее делать нельзя ни в коем случае — станет ещё страшнее и ужаснее.

Прыгун сделал ленивый жест рукой, кинжал вылетел из-под рукава плаща, и мир Драго стал постепенно тускнеть и менять очертания. Его странствие началось...

Бой

Три сотни имперских бойцов упорно держали небольшой форт в долине на самом берегу реки, наспех возведённый за пару дней. Убитых день ото дня становилось больше, чем живых, и неизвестно, откуда брались у защитников силы. Уже второй день подряд воины Империи отбивали атаки, изредка получая час-другой передышки. И тот факт, что тела убитых орков заполнили всю равнину, нисколько не смущал полководцев зеленокожей расы. Всё новые и новые орки, вооружённые большими железными топорами, наступали, потери нисколько не смущали их, скорее наоборот — придавали силы.

Через пару часов всё изменилось. Стрелы в колчанах опустели, а арбалетные болты иссякли. Задержать хоть какую-нибудь часть наступающих уже не представлялось возможным. Маги лежали на окровавленной траве, оглушённые откатом и изнеможённые, на их помощь рассчитывать не приходилось.

— Отойти от стены! Живей! — солдаты слушались беспрекословно, ведь единственный верный способ выжить на войне — это довериться своему капитану, особенно если тот бывалый вояка. — Стать сзади меня, в круг. Да не медлите! Чего вы копошитесь?!!

Солдаты не знали, чего именно хочет добиться капитан. Его лицо закрывал шлем, выкованный из тонких слоёв гномьей стали, и прочитать, что именно скрывается на его лице, было попросту невозможно. Быть может, оно

и к лучшему: видеть неуверенность на лице своего предводителя значит попрощаться с жизнью.

Северная стена частокола рухнула, открывая небольшой проход к центру форта, где собрались все его защитники. Неожиданно руки капитана поднялись к небесам, ноги слегка приподнялись над землёй, голова закинулась за спину и всё тело засветилось ярко-синем цветом, со стороны могло показаться, что оно горело магическим огнём, но это было не так...

Всё оружие, валявшиеся на земле, взлетело в воздух и направилась к плетущему заклятье магу. Все мечи до одного, даже из рук живых, поднялись в воздух. Спустя мгновенье началась безумная пляска... Орки ломились вперёд, ломая в щепки всё, что стояло у них на пути... Оружие тем временем крутилось всё сильней, набирая скорость с каждой секундой, маг создавал щит, но как долго он мог продержаться, давая защиту солдатам, не мог сказать никто...

Внезапно из-за забрала шлема заструилась небольшая струйка крови, откат не заставил себя долго ждать, а орки всё медлили, они пытались понять, что именно хочет сделать человек, но терпение не присуще характеру орков, и они как один рванулись вперёд... Ещё секунда, и доспехи окрасились в ярко-кровавую краску... Орки не желали знать о грозящей опасности, они хотели плюнуть ей в лицо. Как делали это всегда, но магию недооценивать не стоит... Меньше чем за полминуты полегло несколько десятков орков. Капитан не мог больше поддерживать заклинание, это было уже выше его сил и возможностей, оно начинало терять силу, мечи один за другим падали на землю, а те, что ещё вертелись в воздухе, ища себе новую жертву, замедляли ход. Ещё мгновенье — и тело капитана лежало на траве, он отдал себя полностью, всего до конца, и теперь не оставалось даже сил, чтобы пошевелить рукой, не говоря уже о том, чтобы встать. Резкий, как порыв северного ветра, раздался голос одного из защитников:

— Нечего смотреть, чего рты разинули, хватайте оружие и в бой! Капитан и так уже достаточно для нас сделал, пора уже и нам поработать! — дружный рёв прокатился внутри стен форта. Солдаты один за другим хватали мечи, беспорядочно разбросанные по багряной траве. Орки явно не ожидали такого поворота событий и слегка опешили, впервые за всю историю войны с расой людей они не знали, что делать. Ведь до сегодняшнего дня состояния, близкого к поражению они не испытывали, они ничего не делали, просто стояли, поражённые мужеством защитников, предпочтя смерть от клинка бегству...

...

Так люди одержали свою первую победу, они удержали форт и задержали орду, пускай ненадолго, пускай не больше, чем на день, но ведь они это сделали!

Прошло пару дней, и весть о победе разнеслась по всем уголкам Империи, в честь её в тавернах и трактирах поднимали кубку, говорили красноречивые тосты.

— Капитан, а я ведь не знал, что у вас есть способности к магии...

— Я тоже...

— Не переживай, в опасных ситуациях скрытые способности проявляются сами собой. — Внезапно человеческая фигура в белоснежном плаще вышла из тени. — Теперь тебе необходимо изучить глубже свой дар. Ведь это не магия, это только со стороны смотрится, как хитроумно сплетённое заклинание. Я даю тебе слово, во всём Фродрикстроне ты не найдёшь живого существа, способное повторить это...

В трактире

Дневное светило скрывалось за горизонтом, и ночь должна была вступить в свои права с минуты на минуту. Ночи здесь были не просто тёмные, а непроглядно чёрные, и только свет магических фонарей более-менее развеивал наступающую тьму.

Три друга сидели в трактире, проводя последние минуты вечера. Сегодня они не хотели отказывать себе ни в чем, тем более что некий незнакомец одарил их некоторой суммой денег, сославшись на то, что они ему ни к чему. Они заказывали только самое лучшее, когда им ещё удастся поесть досыта не питательной, а вкусной еды, когда появится возможность мирно поболтать за кружкой пенного пива, не людского пойла, а настоящего гномьего пива, ввозимого в Империю с самого Подгорного Королевства.

На небольшом столике, за которым они расположились, не оставалось места, всё было заставлено блюдами: здесь был и зажаренный поросёнок, и свежая дичь, которую приготовили специально для них, и даже эльфийское вино, настолько дорогое, что трактирщики выставляли бочки с ним только на показ. Но, несмотря на такое изобилие, лица были не радостные.

— Я до сих пор не могу прийти в себя...

— Не ты один, мы все в шоке.

— Никогда с таким не сталкивался... Думал, что такое только в книжках бывает, ан нет, и вживую лицезреть пришлось. К добру ли это? — сказал Василий. — И что за имя такое — Драгомер?!

— Оно мне кажется знакомым, чуть ли не родным... Тот человек на дороге, он что-то сделал со мной, но не завершил, не успел... помешали... Но опять же — зачем? У меня такое предчувствие, что ведётся некая игра, а полем служит весь Фродрикстрон, от Западных Пустынь и до северных льдов.

— Не забивай себе голову этой ерундой. Ты Устер, сын кузнеца, который, неплохо владеет мечом и луком. Очнись, ты прирождённый воин, а не слуга судьбы. Она не возлагает на плечи таких, как мы, особые испытания, нам уготовано прожить обычную жизнь — с подвигами и геройствами, но не с такими, от каких зависела бы судьба мира! — сказал Крейн.

— Однако из просто деревенского парня ты превратился в барда, который прославился на всю Империю. Знаешь ли... Не каждый день встречаются на дороге люди, отдающие тебе просто так несколько кожаных кошельков, полностью набитых золотыми монетами. — Устер сделал глоток пива, чтобы промочить пересохшее горло. — Он сказал, что к нам присоединится четвёртый, только где и когда?

— Он же нам не сказал, что мы должны его искать? Если есть на то веление судьбы, он будет с нами. Не забивай голову чепухой. Лично я стараюсь не думать об этом. Попробуй этого поросёнка, я тебе говорю — объеденье! Ты за весь вечер к еде не притронулся, только пьёшь и пьёшь своё пиво, если хочешь напиться, то закажи чего покрепче. Мне на тебя смотреть жалко!

Устер промолчал, делая вид, что понял всё сказанное. Однако он копался в себе, искал что-то, за что можно будет уцепиться и распутать клубок сгустившейся тайны. Его внутреннее «я» что-то говорило, настойчиво подсказывало, но сегодня понять, что именно, было ему не под силу.

Словесный спор утих, но внутри каждого из них он продолжался, не затихая ни на мгновенье. Сыпались новые и новые вопросы, задаваемые только самим себе, на некоторые давались донельзя глупые ответы, на некоторые не находилось никакого объяснения, и их становилось всё больше, неизвестное порождало неизвестное.

Со скрипом открылась дверь, через неё вошли четверо мужчин. Их вид оставлял желать лучшего, да к тому же, все были как один, ни одного отличительного признака в их одежде не было, различить можно было только по лицам, которые покрывала обильная щетина. Одежда была сшита из волчьего меха, грубый меч на поясе, выкованный в деревне неумелым кузнецом, сучковатый лук за плечом да ожерелье из зубов каких-то животных на шее. С виду они походили на охотников, которых немало развелось в последнее время. Но отчего весь трактир разум умолк, даже трактирщик отошёл подальше от своего прилавка? И только трое друзей продолжали свой разговор, он-то и привлёк внимание новых гостей. Один из них остался возле двери, а трое направились к столу, за которым, судя по всему, не выказали особого почтения.

— Так-так, и кто это у нас здесь появился?!

— А здороваться в этих краях не принято?

— Малый, не груби, а то ненароком тебе кишки с пола подбирать придётся.

— Ты кто такой? — сказал Устер, вставая со стула. — Тебе нужны проблемы, или что?

— У меня их нет, а у тебя, похоже, они появились, — на лице бородатого появилась ухмылка.

Его рука сорвала с ремешка небольшой кинжал и, рассекая воздух, начала заносится для удара. Словно по команде, бывший отец Василий отреагировал на это. Быстрый, словно тень, неразличимым движением он оказался сзади бородача, и лёгкий топорик, выкованный из гномьей стали, словно сам собой оказался у горла.

— Выбирай слова. Мы тебе ничего плохого не сделали. Уходи отсюда, а то не хотелось бы испачкать рясу в крови, — бросил Василий в самое ухо.

— Ты не жилец, отче...

— Я не отче ни тебе, ни кому-либо ещё.

Двое спутников бородача стали приближаться, в их руках были зажаты рукоятки мечей.

— Вы хотите драки? Мы её устроим, — бросил Крейн, доставая из-под походной кожаной куртки небольшой ножик. — Быть может, она научит вас хорошем манерам. Ну что, силач, согласен? Один на один, честный бой на мечах. Что скажешь?

— Крейн, погоди. Он оскорбил меня, а не вас. Поэтому на поединок выйду я, и возражения не принимаются, — сказал Устер.

— Он согласен, — сказал отец Василий, убирая топорик.

Все стали расступаться, освобождая место для поединка. Бородач отошёл к своим спутникам и что-то стал говорить. Трактирщик схватился за голову — обычно такие драки хорошо не заканчиваются для владельцев трактиров и других заведений, вся мебель будет разнесена в щепки.

— Ты смотри, не убей его. Нам ещё только разборок с ополченцами не хватало.

— Не переживай. В конце концов, такие, как он, заслуживают наказания, а иногда и смерти...

— Ну что, малый, начнём?

Не успев закончить свою речь, он набросился с мечом в руке на Устера. Но тот, играючи, отбил выпад. Сейчас для него это было забавой, развлечением. Давно на его пути не попадались достойные противники, а те, кто выходил против него на бой, оказывались либо у лекарей, либо у гробовщиков.

Бородач махал своим оружием, будто в руке был не железный меч, а охапка соломы, но Устера это нисколько не смущало. Он не атаковал, а лениво защищался, давая всем понять, что повалить его на лопатки и окропить пол кровью — это сущие пустяки для воина Империи.

Трактирщик аккуратно положил руку на плечо Крейна, тот немедленно развернулся.

— Я их знаю, слово «честность» для них ничего не значит. Твой друг дерётся сейчас с главой местной банды. Жди подвоха с их стороны, — он указал взглядом на троицу стоявших на противоположной стороне трактира. — Они не заставят себя ждать, только выждут подходящий момент и вонзят нож между лопаток.

Дело начинало принимать серьёзный оборот. Меховая рубаха бородача покрылась порезами от меча Устера, и кровь медленно выступала, давая красноватый окрас куртке. Устер был доволен как никогда.

Зоркий глаз Крейна наблюдал за стоявшей троицей, бандиты — это особый народ, с ними всегда надо быть начеку, а то потом...

Резкая подножка свалила с ног Устера, который явно замечтался в своём превосходстве, и лезвие меча уже летело к горлу, когда рука Василия играючи остановила его.

— Мы сказали честно!

— Чего ты лезешь, охота тоже покинуть мир раньше уготованного тебе времени?

— Бой не будет продолжаться! Ты нарушил данное тобой слово.

Бородач приподнялся и бешеным взглядом уставился на Василия.

— Я сказал — не лезь, а то до утра тебе не прожить.

Троица быстро приближалась. События развивались намного быстрей, чем было запланировано. Не вступая больше в разговоры, бандиты решили воспользоваться неожиданностью, чтобы свалить с ног двоих дерзких. В самого шустрого полетела деревянная кружка, брошенная Крейном, от её удара бандит повалился на пол и покатился под стол. Второго вырубил удар кулака Василия, а бородача остановила вспышка жгучей боли на лбу, а спустя мгновенье мелкими каплями потекла кровь. Устер любил неожиданные моменты, и ему хватило одного мгновения, чтобы оставить кровавую прорезь на лбу.

— Теперь ты помеченный. Молись судьбе, чтобы наши пути больше не пересеклись, иначе тебе не жить.

Глаза главы бандитов были полны крови от ярости, словно он больше не был человеком, а стал подобием короля Минотавров.

Они молча развернулись и ушли. Крейн провожал их взглядом, и, как оказалось, не зря...

Бандиты не хотели смириться с поражением, и во что бы то ни стало решили изменить исход незаконченного боя: от удара ноги одного их них деревянный стол полетел в барда. Удар оказался настолько быстрым и неожиданным, что Крейн не успел среагировать. В ход пошло всё: стулья, еда, тарелки, всё, что попадалось под руку бандитам. Они не давали не малейшей возможности подойти к ним. Трактирщик давно скрылся за прилавком. В их сторону летело всё, и отцу Василию не хватало какой-то доли мгновенья, чтобы сплести хотя бы простейшее заклинание. Ещё минута — и полёт прекратился. Веся мебель трактира была разбита, как говориться, в щепки.

Трое друзей начали действовать как один. Устер начал бить мечом с такой скоростью, что нельзя было различить ни малейшего движения, всё сливалось... Василий доплёл свои чары и влил силы в заклинания, злости бывшему священнику хватало вполне, незримая волна свалила двоих. Ещё мгновенье — и Устер с Крейном оказались подле лежавших. Бандиты проигрывать не умели, но и сделать что-либо в сложившейся ситуации не могли.

— Мы даём вам последний шанс уйти отсюда живыми, — быстро проговорил Василий, он не хотел больше крови, его церковный нрав давал о себе знать, даже спустя столько лет. — Если вы сейчас покинете этот трактир и больше не появитесь в нём, клянусь своей жизнью: мести не последует.

Устер и Крейн быстро обменялись непонимающими взглядами. Как так, их хотели убить, а их спутник просто отпускает их?

— Друзья, отпустите этих безумцев.

— Клянусь лесом, мы ещё встретимся, и тогда никто не сможет тебе помочь, — бросил бородач из-за порога. Устер бросился туда, но бандитов уже не было.

Трактирщик молча стоял на грудой изломанной мебели.

— Не расстраивайся. Думаю, двадцать золотых решат эту проблему? — сказал Крейн, протягивая деньги.

Ответом ему послужила улыбка. А потом он что-то сказал на местном языке, и толпа людей, находившихся в таверне, резко ожила, загудела, заорала, выражая чему-то явное одобрение. А потом начался пир, трактирщик вынес бочки с пивом, и всю ночь гости отмечали победу.

Взошло солнце, пробуждая ото сна жителей небольшой деревушки. Крестьяне послушно потянулись на свои поля, чтобы сделать там как можно больше, пока утренняя прохлада не сменилась дневным жаром. И лишь три человека спали в комнате трактира, всем своим существом противясь воле солнца. Первым встал Устер.

— Ух... голова... — проговорил он, не открывая глаз, его руки машинально потянулись под кровать, где всегда в любом месте ночлега стоял кувшин с водой, но, ощупав привычное место, он выкрикнул: — Трактирщик!!! ПИВА! Да поживее...

— Ну зачем же орать, как стая голодных гарпий...— послышался голос из-под одеяла, это заговорил Крейн, хотя его голос больше походил на голос озверевшего тролля. — А пиво нам будет сейчас весьма кстати. Это ты верно подметил.

— Кончайте шуметь, дайте бывшему святому отцу полежать в покое. Ведь моё тело не так молодо, как раньше, для длительных странствий мне необходим отдых. А вы...

— Василий... Ты помнишь, что вчера было?.. Клянусь отборным пивным бочонком Подгорного Королевства, такой пьянки не было за всю мою жизнь...

— Видишь, а говоришь, что ничего не помнишь. Всё-то ты знаешь, поднапряги голову, и всё само собой вспомнится.

— Тебе лишь бы поиздеваться. Не видишь — плохо ему, да и мне не лучше.

— Не умеете пить — не занимайтесь этим делом.

— Ты-то больно много в этом понимаешь...

— Понимаю,— оборвал его Василий. — Не всю же жизнь был отцом-инквизитором. Много всего удалось испробовать лично, в том числе и подобное дела.

Разгорающийся спор нарушил трактирщик, который внёс в комнату четыре пенных кружки пива.

— Для особых гостей — особое пиво.

Устер сделал жест, означающий, что, мол, всё понял, но отвечу чуть позже. Трактирщик понимающе кивнул в ответ и немедленно удалился.

Устер и Крейн быстро взяли по пиву и быстрыми глотками стали поглощать его. Пиво странным образом подействовало на них, и из неуклюжей малоподвижности они стали постепенно переходить в своё обычное состояние.

— А я всегда говорил, что хорошее пиво — это лучшее лекарство от любых видов головной боли.

— Ты прав. Вкусное пиво. Василий, так что же вчера было?

— А что, совсем не помните?!

— Нет, — в один голос сказали Устер и Крейн и подивились подобному совпадению.

— Ну, если бы не хорошее отношение трактирщика к вам, то очнулись бы вы на Каторжном берегу, с деревянными колодками на руках, с какими не повоюешь со стражниками и не сыграешь баллады на гитаре. — Он укоризненно посмотрел на них. — Драка была, да причём нешуточная... Ну да ладно, что было, то прошло, все проблемы мы оставили во вчерашнем вечере, только я всё-таки захватил с собой парочку. Мучают вопросы меня. Идём. Нечего нам здесь рассиживаться. Устер, не смущайся старого отца-инквизитора, закажи ещё пива, попей, да и пойдём, путь нынче неблизкий.

Путь Руки Силы

Спокойный летний день, ласково греющее солнце, лёгкое дуновение тёплого ветерка в лицо — чего ещё может желать уставший воин? Не каждый день выдаётся возможность безмятежно полежать на траве, не думая о грозящей и неминуемой опасности. Это всё лишь небольшие радости жизни, которые крестьяне не замечают, так как давно с ними свыклись, а проведя некоторое время на войне, начинаешь на многие вещи смотреть несколько иначе.

Не каждому бессмертному выдаётся шанс прожить четыре жизни, и тем более не каждому удаётся достойно их закончить. Так что в каком-то смысле я счастливчик: родился магом, при жизни стал полубогом, потом обычным смертным, а затем вновь стану оружием всевышних.

Солнце и природа — это, конечно, хорошо. Ну, что-то я засиделся, сейчас не время отбрасывать Великие проблемы, которые ждут незамедлительных решений. Есть дела, которые решить под силу лишь мне, и никто кроме меня одного ими заниматься не станет.

Да... прошло столько времени, а моя память до сих пор хранит все секреты призыва к богам. Какими они бы там ни были. Каждый отыскивает свой путь к их слуху: одни добиваются этим жертвоприношениями, другие всякими травами, третьи — нужным расположением звёзд, но я просто звал их, звал в своём сознании, звал в потаённых уголках души, настраивал своё тело полностью на зов и частично сам поддавался ему. Здесь главное, чтобы тело стало проводником между двумя мирами — обычным, в котором живём мы все, и магическим, путь в который открыт далеко не многим. Скрывать не стану, сделать это куда сложнее, чем пролить кровь быка, и сила воли нужна больше, чем у Тонкого Мага, да и времени уйдёт немного больше, но всё же эффект налицо.

Прошло никак не меньше двадцати лет, а Спасители откликаются на первый же мой зов. Я отлично ощущал шаги, словно это было не в параллельном мире, а где-то неподалёку. Смертный, не владеющий этим знанием, не узнает, но слегка ощутит, словно дуновение холодного северного ветра, взору же его ничего не предстанет. Я — несколько иное дело.

Сначала меня охватил жар, который мгновенье спустя плавно перешёл в слабенький холодок, небольшая волна судороги прокатилась от ног до туловища. Магия ничуть не изменилась, осталась, как и прежде, суровой и всевластной. Говорят, что время меняет, вот только не уточняют, что именно. Лично меня оно уже не в силах изменить, может, из-за того, что я стою над ним, как, впрочем, и над некоторыми законами миров, но для таких, как я, созданы особые, суть которых не стану я переносить на бумагу, дабы не вводить в бесполезные дискуссии своего читателя.

Странно и одновременно страшно наблюдать себя со стороны. Незримый поток хлынул через меня, вытолкнув душу наружу, и теперь несколько связок удерживало меня от полёта в вечное бытие, прямо в пасть к одноимённому духу. Со стороны нет ничего странного — ну человек в поле, ну молится, разве что слегка странным образом, — ну да это уже мелочи. Эх... отвык я от смертной жизни, сильно отвык.

Напротив меня заструились лучи света, словно жидкое пламя пожирало воздух изнутри, мгновение — и ещё луч вырывался из чего-то неизвестного, ещё мгновенье и таких лучей стало несколько, ещё доля секунды — и последовала ослепительно яркая вспышка...

Сколько прошло времени, я не знал. Моё тело не выдержало внезапно нахлынувшего напора магических сил, и если бы не чьё-то могучее чародейство, то бы моих сил не хватило бы, чтобы вернуть душу в её привычное обиталище. В лучшем случае стал бы призраком, в худшем — не умер бы, а стал бы частью магии. Не знаю, насколько это правда, но не горю желанием это проверять.

Нависшая белая пелена постепенно развеивалась, уступая место привычному солнечному свету. Передо мной стоял не кто иной, как бог, самый что ни есть настоящей, но, как и любой бессмертный, со своими странностями. Ни один маг не догадается, кто он такой, а точнее — что именно скрывается за личиной смертного. Хотя заметит колыхания в великой реке магии, но, как бы ни старался, не найдёт никакого объяснения.

— Здравствуй. Видать, что-то весьма сильное стряслось, что даже пробило наши барьеры, поставленные на твой разум.

Бог разыграл удивление, хотя шокирующей новостью это для него не стало.

— Сколько времени, по вашим меркам, мы не виделись? Ты, как всегда, прав — случилось, и ещё что... Впрочем, вы всё знаете и так. Боги не имеют права не знать.

— Знаем не всё, но многое, ведаем достаточно, но, признаюсь честно, твоё прошение к нам слегка удивило...

— Давай оставим на потом бессмысленные разговоры и состязания в красноречии. Я хочу вернуться к вам...

— Ты же сам знаешь правила... Мы ничего не можем поделать. Хотя отрицать не стану, ты бы сейчас очень даже пригодился.

— Так чего вы ждёте? Четверо твоих родственников против не будут, я-то их знаю.

— «Но раз окрикнувший силу Света не сможет безнаказанно воспользоваться ею...» Так гласит...

— Знаю, можешь не пересказывать отрывки из «Светлого Трактата», я его и так знаю наизусть. «Пока горит в душе светлое око и зреет белое семя, бежавший от судьбы воин одумается, воззовёт к силам всевышним, и одарят они его дланью светлой...»

— Ты прекрасно представляешь себе, что тебе будет стоить перерождение.

— Да. Я готов на это. Не ради Света, не ради победы, а во имя всех смертных и бессмертных, ради любого существа, злого или доброго.

Силуэт ничего не сказал. Просто отвернулся, чтобы не показать своё лицо, ведь боги отчасти тоже люди, иными словами, в них есть что-то человеческое. С глаз капали слёзы, слёзы смертного, облачённого в вечную оболочку. И каждая слеза была пролита во имя Оружия Света. Его тело уже начало преображаться, былая мощь, спрятанная где-то в глубинах реки магии, возвращалась, небольшими ручейками вливаясь в тело.

И белая пелена снова затмила мой взор, и тело вновь предалось объятиям небытия. Когда тело лежит без сознания, счёт времени — весьма трудное занятие.

Я очнулся. На небосклоне блестели звёзды, и луна освещала лунную дорогу. Неподалёку от меня сидел у небольшого костерка Спаситель.

— Я своё слово сдержал. Но осталось тебе жить недолго... Скоро твоё время истечёт. «Когда глава опасности сгинет в пучину Мрака, сольётся с его плотью и станет плоть от плоти его, тогда призванное оружие рассеется, испустит дух, как смертный, и никто больше ни в едином мире, ни в силах не сможет воспользоваться былой мощью Света».

— Да, ты всегда умел людей подбадривать. Благодарю тебя, — сказал я.

Поток сил оказался больше и на этот раз болезненней, чем в первый раз, когда я только-только принимал дело Света...

— Я обязан сказать тебе, как бы ты ни хотел слышать иное: тебе воспрещён вход в нашу крепость, но магическая тень вновь раскрывается перед тобой. Сила восполнится не сразу, пройдёт время. Сколько? Одним высшим силам известно. Но день ото дня ты будешь преображаться, как внутренне, так и внешне. Прощай. Скоро я тебя найду.

Крепость Спасителей:

— Поздравляю, твои слова оказались правдой. Он вновь с нами, и теперь мы обязаны вмешаться!

— Не горячись, брат, дай ему время, сейчас он запьянеет от мощи, скрытой в нём...

— Что?! Не может...

— Ещё как может! Если мы вложили в тело избранного силу, то взять обратно мы уже не можем.

— А что это тогда был за обряд, который мы провели в белом кругу над ним?

— Мы способны были лишь взять небольшую часть. Его тело впитало это, как песок воду. Чтобы его не нашли Тёмные и те, кто охотится на нас, я скрыл силу в его памяти. Теперь с каждым новым воспоминаньем его мощь будет расти.

— Значит, он умрёт, законы они для всех. Никто из нас не в силах повлиять на происходящее. Смиримся же.

Светлые после перерождения Апостола

— Свершилось седьмое пророчество, Апостол воскрешён, а единственное оружие Света оказалось повержено.

— Рука Силы мёртв?

— Нет, но у него были высосаны все силы... и... теперь их двое.

— Что значит двое?

— Рука Силы Светлый и Рука Силы Тёмный.

— В одном теле?

— Если бы. По раздельности.

— Великие силы... Восьмое пророчество о Последней Битве...

— Какое ещё восьмое пророчество? Их всего семь!

— Записано семь, но два других следуют из указанных семи. Тебе надо больше времени проводить в наших библиотеках и тщательней изучать Хроники! Страшные бедствия грядут на нашу землю...

— Говори понятливей — времени и так нет.

— Демоны получили шанс выбраться из своего заточения. И на днях они непременно воспользуются им! Но у нас есть ещё немного времени в запасе.

— Давай поподробней.

— В далёкие времени, когда землю топтали Древние, они поставили барьер на подгорный мир и направили туда нити магии, чтобы подпитывать его. Долгие столетия демоны искали способ пройти сквозь него, но потом узнали, что снять его можно только с нашей стороны. И они ждали... Ведь больше им ничего не оставалось. Апостол теперь в силах разрушить его. На озере Эльран были порваны великие нити, и теперь он ослабевает. По моим подсчётам, у нас не больше двух дней. А потом... Потом всем нам придётся нелегко...

— Светлым придётся раскрыться.

— Не спеши с выводами.

— А что ещё нам остаётся? Ордену Света больше нечего противопоставить Тьме. А теперь ещё и демоны вмешаются в битву.

— Они не смогут вторгнуться всей армией. Подобно мелким струйкам воды, которые льются из трещин в плотине, они будут входить в наш мир!

— И что ты предлагаешь делать?

— Когда-то я был в мире под названием Дольминстрон, и перерыл кучу свитков. В одном из них шло упоминание о неких Хранителях Миров. Думаю, мы сможем попросить у них помощи.

— Да кто ещё такие Хранители Миров?

— Некие сущности Равновесия.

— И почему мы никогда о них не слышали?

— Да всё потому, мой друг, что они не хотят, чтобы кто-либо знал или догадывался об их существовании. Всё время они скрываются где-то.

— И ты надеешься, что они нам помогут?

— А иного выхода у них нет.

— Ладно, убедил... как ты собираешься их искать?

— Помнишь, некоторое время назад мы почувствовали всплески силы?

— Конечно. Но старейшины не уделили никакого внимания этому...

— А зря. Это один из них входил в наш мир.

Даниленко Наталья

* * *

В забытом храме встану у порога
И подойду тихонько к алтарю —
Я так давно хочу спросить у Бога:
Спаситель, есть ли лошади в раю?

Ведь этой жизни лучшие минуты
Я провожу, наверное, в седле.
Пусть это странным кажется кому-то:
Нет ничего прекрасней на земле

Безумной скачки, мощи и напора,
Трёхтактной дроби кованых копыт,
Шального ветра, воли и простора,
На горизонте, что к себе манит...

Дорога лентой всё бежит куда-то
Среди лугов, тумана и дождей...
Поверьте, люди, я не виновата,
Что родилась влюблённой в лошадей.

А конь губами трогает ладони,
В траве роса алмазами блестит,
И целый мир в глазах лиловых тонет
И солнце пряди гривы золотит.

Возможно, мы судьбу не выбираем,
И свыше дан огонь души моей.
Прости, Господь, но мне не надо рая,
Если в раю не будет лошадей.

Dawa X.

Вальпургиева ночь

Вишни душистой цвет опадающий
Щедрому ветру горстями кидай
И не робей: нас кружит опьяняющий,
Жадный до ласки хозяин мой — май!

Видишь, как вспыхнули искры безумия
Голодом страсти в раскосых глазах.
Полночь — сухая и пыльная мумия,
С нею на пару вальсирует страх.

Шорох секунд, отчуждений затмения.
Лёгкие па, шаг и снова шажок.
Чувство греховное — суть поклонения,
Ты мой надменный карманный божок.

Город

Этот город не мой.
К воплям страха глухой,
Он слепой и немой,
Этот город чужой —
Он не мой!
Опусти, — говорю, —
Я тебя не люблю,
Лучше пулю,
Чем волю твою.
Лучше грех, лучше яд,
На полжизни назад —
Сатана будет рад,
Лучше в ад.
Как в бреду я горю.
Отпусти, — говорю,
Я кричу, я молю,
Я не ем, я не сплю —
Не люблю...

Её история

Расхристанная, помятая,
На белом зимы распятая
Мака алым пятном
Под далианским углом.

Такая вся неуместная,
Ей города клетка тесная
Душу под левым ребром
Сдавила в мозолистый ком.

Лишь тень своего одиночества,
Как призрак былого высочества,
В мороз исходила огнём.
Спросите: В чём смысл? В НЁМ!

Сгорела? Да нет. Сжигается.
А что от неё останется?
Пепел на талом снегу
И память: «Как все — не могу!»

Зимнее

Я пойду по снегу босиком,
Как по облакам с нагой душою.
Я зиме отдамся целиком,
Лето в сердце заменю пургою.

Льдом внутри заполню пустоту,
Где фиалки скромно зацветали.
Жизнь — за ледяную красоту,
Стану изваянием печали.

Иней серебристый упадёт,
Как покров, и от забот укроет.
А весной, когда растает лёд,
Первый дождь мои печали смоет.

Истерика

Как бабочка бьётся о стёкла,
Я бьюсь о безликие стены.
Душа на глазах поблёкла,
На серых губах клочья пены.

Но я не хочу признаваться:
Жить дальше — ни сил, ни желания.
Лишь близких сердец сострадание
Мешает мне с края сорваться.

С размаху, с налёту и снова.
До хрипу, до воя — истерика.
Казалось, на всё готова,
Но в море страстей нет берега.

Пусть жизнь — это бред блаженного,
А мир — без удобств палата,
Безумная, я только рада,
Что нет ничего совершенного.

Крылья

У меня за спиной два крыла.
Два крыла... Лебединые крылья.
Я подняться на них не смогла,
Перепутала сказку и быль я.

Перебиты, бессильно висят,
Эта ноша к земле пригибает.
Может быть, много жизней назад
Мне приснилось, что кто-то летает.

Небо манит своей высотой,
Я не в силах с собою бороться:
«Небо, мы так похожи с тобой!»
Но в ответ небо только смеётся.

Пусть в последний, единственный раз,
На секунду, на долю мгновенья
Я взлечу. Два крыла про запас.
Я сорвусь на волне вдохновенья.

Луна

Утоли мою печаль,
Полная луна,
Пусть душа несётся вдаль,
Тяжких дум полна.

Укажи ей верный путь
К звёздам в вышине,
Только утром, не забудь,
Возврати ко мне.

Средь затерянных планет,
По дороге в рай,
Для живых прохода нет,
Как ни пожелай.

Нет в холодных небесах
Места для души,
Нету срока на часах,
Так что не спеши.

Меланхолия

Дверь на замок, долги оплачены,
Из сердца с мясом вырван клок.
Вороны нынче озадачены,
И мысли бьются в потолок.

Плююсь словами в окружающих,
В затылок взгляды — как в сачок.
Я червячок для осуждающих,
На язычок, как на крючок,

Уже нанизана. Разложена
На много маленьких частей.
Я так нейтрально расположена
На территории ничьей.

Не скажете, жива ещё ли я?..
Под кожей — чёрная дыра...
Нет, это просто меланхолия.
Не модный сплин, а так — хандра.

Мои строки

Моя душа так жаждет сточек,
Рифмованных пусть невпопад.
Бумаги скомканный комочек
Хранит воспоминаний клад.

Осядет пыль, года остудят
Жар недопрожитых стихов,
И, может быть, меня осудят
За рваность строк, нелепость слов.

Я так жила, я так любила.
Мне часто снились облака.
И, кажется, я позабыла,
Что наша жизнь так коротка.

* * *

Мы не живём — играем понарошку,
Не мысль творца — фантазии полёт.
Здесь каждый ищет верную дорожку,
Но не свою, чужую чашу пьёт.

Я роль мою играю, как умею,
Мой режиссёр забыл мне дать слова.
Наверно, ни о чём я не жалею:
Как ни крути, а жизнь всегда права.

На смерть всех забытых поэтов

Он был поэт своей душой и телом.
В своих стихах он небо воспевал.
Но час пробил, и между грешным делом
Погиб поэт и в небеса попал.

Поэт погиб, его похоронили,
Цветами убран был его наряд.
Цветы завяли, и его забыли,
Он умер, а стихи ещё звучат.

Звучат, звенят и звучностью пленяют,
И радуют цветастой пестротой.
Их строки прямо в небо улетают,
Даруя людям неземной покой.

О смысле жизни и смерти

Лишь двух вещей бояться не грешно
И не смешно, ведь так и быть должно.
Любви и смерти терпкое вино
Всегда манило и несло — лишь зло.
Один глупец безудержно храбрится
И говорит, что смерти не боится.
А юный трепетной душой стремится
к любви,
Не зная, сколько горести несёт
Любовь, которая сладка, как мёд.
Но счастлив тот, кто глуп и сердцем юн,
Кто прожил жизнь, как восемнадцать лун
И умер вдруг, легко, как облака,
Влюблённый в жизнь, не веря, что близка
Кому-то мысль о смерти, не искал
Он смысла. Пусть существовал,
Как тень, пройдя и не оставя след,
В истории о нём ни строчки нет.
Завидуйте, коль гложет вас тоска
Смертельная, но живы вы пока,
Любите жизнь, цените каждый час,
Пока есть вы для мира
И есть мир для вас!

Памяти тех, кто не вернулся

Когда на свет явился человек,
С тех пор земля не ведает покоя.
Одна война проходит за другою,
И реки крови не замедлят бег.

В истории примеров есть немало
От сцены бытовой до Мировой,
Кричит Земля, она от нас устала,
Но что для вас её — Земли — покой?

Уходят братья, сыновья, мужья,
Отцы, друзья уходят безвозвратно.
Им вслед глядим печально ты и я,
Мы будем ждать, и всё без слов понятно.

Нет, нам неведомы все ужасы войны,
Гнетёт страх ожиданья, боль разлуки,
К распятию с мольбою тянем руки
За тех, кто защищает честь страны.

О них не вспомнят сытые в тепле,
Лишь чёрный крест для тех, кто не вернулся,
Толпой теней, один лишь обернулся
На миг... и скрылся в чёрной, вечной мгле.

Пегас

Пегас — не роскошь, ведь легко
Пегаса оседлать.
Подставит спину он тебе,
а ты всего лишь сядь.

Сядь и держись, а он умчит
тебя за облака,
И промелькнут перед тобой
минувшие века:

Земля, покрытая водой,
и первый человек,
Индеец, рыцарь и ковбой,
затем XX век.

Ты сможешь к звёздам полететь,
узреть их хладный свет.
Тогда поймёшь наверняка:
Пегас — не роскошь, нет.

Сад

Стань мной на миг, войди в запретный сад,
Где красных роз пьянящий аромат
В себе таит греха смертельный яд
И каждый вдох — шаг по дороге в ад.

Входи смелей, из тысячи дорог
Себе опасней выбрать ты б не смог.
На то потратив жизни краткий срок,
Ты здесь ничтожный раб и всемогущий Бог.

Коснись рукой, сорви вишнёвый цвет,
Иллюзию, которой больше нет.

Жайна

* * *

Ведьмы не стоит бояться,
Она не желает вам зла.
Не нужно над ней насмехаться...
Отвыкнуть пора ото зла.

Смелее в себя загляните,
Не бойтесь вы мудрости древней.
Добру вы скорей отоприте
Души позабытые двери.

Ведь вы не боитесь природы?..
Ведь вы не казните цветы?..
Не страшны бурлящие воды —
Над ними кладёте мосты.

Так чем же вам, люди, так страшны
Мы — те, кто избрал Путь иной,
Все те, кто шагает бесстрашно
В неведомый мир, неземной?..

Я знаю, осудите: «Сколько
Людей погубили вы зря!»
Нет, мы вас не трогаем, люди...
Мы лишь защищаем себя.

Верь мне

«Верь мне и больше никому,
Прошу тебя!..
Не уходи, побудь со мной ещё немного...»
Махнул рукой,
Вздохнул, смеясь,
На пальцы накрутил он рыжий локон.
«Да что с тобой?
Дорога далека, уж сумерки...»
«А если навсегда,
Навеки мы прощаемся с тобою?..»
«Оставь, тебе приснился
Страшный сон,
Никто не разлучит нас никогда!»
«Ты никому не верь,
Запомни!»
«Я запомню».
«Ступай, тебя благословляю я...
И вправду далека дорога»...
Едва рассвет багровой краской
Осветил леса,
Уж у её порога
Сотня человек столпилась...
«Короток век! Жизнь коротка!»
Гудели, издеваясь,
Как будто не людские голоса.
Её вперёд тащили сотни рук,
Кидали палками в неё,
Камнями...
А он вернулся. Он стоял, смотрел
На это безучастно... Вдруг
Он руку вскинул
И что-то отбросил прочь...
Забавился игрой с перстнями
Секунду солнца луч:
Сверкнув, кольцо —
Предательства знаменье злое —
На землю опустилось.
Погас молящий взгляд...
Погасли сердца два,
Умершее и ледяное.

* * *

Ветер в лицо, солнце слепит,
Музыка ветра в ушах,
И сердце моё уже не болит,
О слезах забыла душа...

Зелёное поле на миг уплывёт,
И небо рассыплется вдруг...
И слабость волною по телу пройдёт,
И слёзы из глаз побегут.

Не плачет душа, а смеётся она,
От счастья смеётся до слёз!
Как берег румяный ласкает волна,
Ласкает меня запах роз...

Прекрасный закат цвет сирени хранит:
То — небо целует земля.
Берёза листвою своей шелестит:
С ней ветер играет, любя.

И я — та берёза, и я — тот закат,
Я — небо, земля и река,
Я — берег, от ласки реки так покат,
Я — ветер, и я — облака...

И я на колени теперь упаду,
Но нет, не от груза оков,
Свободна я... Здесь я себя обрету,
К земле вдруг прижавшись щекой...

Замёрзшая душа

...А вьюга метёт, метёт, метёт... Покрывает белым одеялом всё вокруг... точно одевая страшного мертвеца в белый саван. Я гляжу на это через зарешёченное окно. Ледяной, пронизывающий ветер бьёт по голым, беззащитным деревьям, проникает всё глубже и глубже... мне в душу, в самое сердце.

Холодно. Свет больно режет глаза... я ненавижу свет. Скорее бы пришла ночь... опустилась на мир и скрыла его, поглотила, осталась навсегда.

Вьюга и в моей душе... заметает моё прошлое, убирает все следы... Пытаюсь вспомнить твоё лицо, но уже не могу этого сделать... да и не нужно. Ты предал меня, обманул... зачем же?.. За что?..

Я могла бы рассказать им правду о тебе, всю правду — и ты окажешься здесь. Будешь так же, как я сейчас, глядеть на полумёртвый, замёрзший мир сквозь тюремное окно... Но ведь я не сделаю этого. Нет.

Как холодно... лёд. Лёд в моём сердце. Он — это ты. Но я сама виновата во всём... Во всём! Я поверила тебе, а не своему предназначенью. Это было ошибкой... страшной и непоправимой.

Воет, воет ветер за окном...

Засыпаю, снова открываю глаза, вновь погружаюсь в томительную, тягучую дрёму... Ночь приносит мне покой. Я почти верю в её нескончаемость... Ласкает, убаюкивает, целебный бальзам на кровоточащей ране моей души...

Нож!.. Острое лезвие сверкнуло в небесах!.. Это луч солнца прорезал горизонт. Ночь ушла... Предала, обманула меня так же, как и ты.

Утро... это начало нового дня, надежда, жизнь. Но для меня теперь весь мир вывернут наизнанку, для меня это утро — боль, смерть...

Лязгнула щеколда на двери, точно топор палача над головой осуждённого... Над моей головой. Чьи-то руки хватают меня грубо, кто-то тащит меня... Куда?.. навстречу моей смерти.

Глаза, злые, трусливые, торжествующие, жадно всматриваются в моё лицо... сотни глаз. Неужели и ты среди них?

Вот уже пламя играет у моих ног... Я гляжу на него и... улыбаюсь. Неожиданно мне становится легко и спокойно. Огонь охватывает меня, но я не чувствую боли.

Ничто больше не имеет значения.

Я слышу музыку.

Я вижу свет...

Я свободна...

Свободна...

* * *

Как хочется порой забыться
В глухой, нетленной тишине...
И в свитер выцветший зарыться.
Пусть все забудут обо мне.

Сниму вседневную личину
Весёлой, сильной, боевой.
Надену подранные джинсы —
Пустую маску — с глаз долой.

Наедине с собой останусь,
Дам волю редким столь слезам...
Легко я с гордостью расстанусь
Чтоб из души прогнать туман.

Туман, что блеск тот навевает,
Который призван нас пленять,
Туман, что мне дышать мешает,
Сжимает горло мне опять...

Но грусть мою едва ль заметят.
Да и зачем? Спустя я час
Весёлой буду. Всё на свете
Так часто дым лишь и мираж.

Магии пламя

То пламя уж тысячи лет как зажглось,
Огонь этот бережно люди хранили.
И магии пламя росло с каждым днём,
Миры освещая, тепло всем дарило...

Под пение птиц, ароматы цветов,
Аккорды сбегающих вниз водопадов
Древнейшие Боги на землю пришли,
Влекомые светом волшебным закатов...

Но люди делились на сотни народов,
Впадая всё чаще из крайности в крайность,
Пытаясь себе подчинить мир, природу
Вождя, точно Бога, они почитали!

И Пламя забыли, что их породило...
А кто не забыл всё — забыть отказался —
Гоним был. Предательство души сгубило...
Предать так легко... Трудно верным остаться.

* * *

Меня не поймут,
Быть может, осудят.
Меня назовут
Не раз сумасшедшей.
Меня не поймут
Даже близкие люди...
Но я не смогу
Иначе, поверь мне!
Это мой Путь,
Я сама так решила.
Это мой Путь,
Пусть тернист он и труден.
Почему же в глазах
Твоих осужденье?..
Ничего я дурного
Не совершила.

* * *

Они от нас уходят навсегда,
Покинув тех, кто их любил, кого они любили...
Их мы, конечно, уж не встретим никогда,
И чьи-то лица уже люди позабыли.

Порой так странно, что не слышно их шагов,
Их голосов, их крика, плача, смеха...
Фигуры их, как с глубины веков,
Теряются. Нам время как помеха...

Помеха памяти, любви, надежде...
Когда уходят люди навсегда,
Страшнее боли от потери и терзаний
Из ниоткуда приходящая вина.

Вина, как бритва, режет ум, сознанье,
Малейший наш проступок навевает
Болезненный поток воспоминаний.
Хотя... быть может, нужно так?.. Кто знает?..

Вины ещё страшнее пониманье
Того, что время лечит, и года
Когда-нибудь сотрут родные лица
Из нашей памяти короткой навсегда...

Мы будем радоваться жизни и смеяться,
Всё так же будут осень и весна,
И лето нам подарит вихрь красок,
И новый год преподнесёт зима.

Так будет год за годом, было так веками,
Таков закон природы. Может быть вполне,
Когда придёт и мне черёд уйти за вами,
Напишет кто-нибудь вот так и обо мне...

* * *

Ты прости меня...
Ты прости.
Не держи меня.
Отпусти.
Я расстанусь с тобой.
Навсегда.
Не удержит меня
Голос Твой.
Не удержат меня
Глаза.
Знаю, милый, я,
Как никто,
Трудно это всё,
Нелегко...
Но упрёк за упрёк,
Странный взгляд,
И рука, покрутившая
У виска...
Знаю я, ты пойми,
Знаю я!
Нам с тобою
Не по пути.
Всё растаяло,
Уплыло
Ветром северным
За горизонт...
И теперь я прошу
Понять.
Напоследок меня
Обнять...
Я уйду —
И не обернусь,
Не опомнюсь,
Не оглянусь.
Так случается
Иногда...
Я хочу уйти,
Навсегда.
Ты пойми меня,
Ты прости,
Ты забудь меня...
Отпусти...

* * *

Я свободна... Купаюсь я в свете луны.
Моё сердце объято священным огнём,
Мои руки, как крылья — взмахни и лети,
Мой пылающий взгляд в небеса устремлён.

Взмах — и нет больше мыслей, и нет больше грёз,
Я лечу над землёй, я парю в небесах,
Я свободна от смеха, свободна от слёз...
Больше нет ничего... только я и луна.

Я и свет, и огонь, я и жрица богов,
Я лечу над землёй, и во тьме я ночной,
Точно отблеск луны. Я лишилась оков.
Не боюсь я упасть — мои боги со мной.

Джонатан

Nosce de Ipsum

— Кто это сделал?
— Никто, я сам...

На ладье неведомой взлетая,
Мыслить о тебе я прекратил.
Подо мной мелькала мостовая,
Убегал от солнца древний Нил;
Города, одетые в туманы,
Прятали под крышами домов
Человека с рубленою раной,
Из которой капала любовь...
А ладья качалась и летела,
Ветер плёл мне из волос венок,
Синее пространство без предела
Разбивалось вдребезги у ног.
Молнии светящееся жало,
Дёргаясь, пикировало вниз.
Бытие алело и молчало,
Как это бывает у актрис,
Вышедших впервые вдруг на сцену.
Но внезапно музыка цветком
Проросла сквозь глохнущую стену
И умчалась радужным витком.
Я — растёкшись чувством по бумаге —
Метры декораций рисовал,
Только с них глядел уже не трагик,
В плоть свою вонзающий кинжал!
Суета, как слово без значенья,
Умирая, шлёпалось на пол.
Грусть спалив, как старые поленья,
По золе я радостно пошёл.
Видно, там всё было по-иному,
Там, где я себя совсем забыл,
Где дороги нет, ведущей к дому,
К дому твоему, что был мне мил...
На ладье, зовущейся «Свобода»,
Я взлетел за рамки всех границ.
Лишь прорыв подобного же рода
Позволяет миловать убийц!

Ночь

Посвящается И.Ч и Е.Ю.

Палящий жестокий свет
Залил её грудь нагую,
А мы, изогнув хребет,
Шагаем по ней вслепую,

И топчем её красу
«Солитой» и «Адидасом»,
Затем, почесав в носу,
Вину запиваем квасом.

И редко кто слышит стон,
Оглохнув, как Ван Бетховен.
Сонатоподобный он
Для нас чересчур духовен...

Но солнце убралось прочь.
Глядите, чернеет тело.
Сгоревшая за день ночь
На сотню веков постарела.

Вам страшно? Ложитесь спать!
И книгу своих сновидений
Откройте. Страница пять.
Глава золотых откровений.

Читайте! А ночь, ожив,
Задышит ветрами глухо,
Прошепчет листвою ив
Поэму луны на ухо.

И, мысли сдувая с уст,
Меж звёзд затеряет где-то...
Сама же лишится чувств
При первом касании света.

У реки

Играю с песчинками. Ветер с реки.
Тепло материнское — в каждой травинке.
Движением мысли ослабив шнурки,
Я выбросил в поле два чёрных ботинка.

Родное, родное! Те чувства — мои,
Их образы я рисовал на рассвете,
Следя, как ползут по сосне муравьи,
И грезил, купаясь в расплавленном лете...

И вновь то, что видел Сократ по весне,
Мне близко в двадцатом компьютерном веке,
И, напрочь забыв о своей седине,
Я вновь быть хочу полусказочным греком!

Доната Владиславская

* * *

— Вы столь прекрасны
В Вашем бальном платье.
— Вы так загадочны
При свете очага...
— Я уж давно
Хотел сказать Вам...
— Не стоит,
Моя бабушка — Яга.

— О боже мой!
Ведь это просто сказки!
— А я не стала бы
Так резко отрицать.
— Давайте не будем...
Отбросим все маски...
— На Вас на самом
Их, пожалуй, штук пять!

— Ну всё, надоело!
Попробуем снова...
— Оставьте признанья,
Я Вас не люблю! —
И он подскочил
И уже был готовый
Оставить здесь гордость
(И шляпу свою)!

Но всё ж обернулся
И бросил сердито:
— Ну что ж, и сиди
Со своею Ягой! —
И девушка в кресле,
Любимая раньше,
Казалась ужасною
Старой каргой.

И хлопнули двери.
Поднявшись к камину,
С усмешкой смотрела
В огонь очага.
И хлопнули крылья...
— Пора на охоту, —
Сказала весёлая
Внучка-Яга.

* * *

Я сегодня ночую дома...
Всё бессмысленно, люди дики.
Я сотру с лица эти слёзы,
Поцелуи, улыбки, улики...

Фотографии, рамки, обои, —
Всё наивно и как-то по-детски.
Одеяло, подушки строем...
В платье, что ли, как раньше, одеться?

В магнитолу поставить кассету
И под музыку закружиться...
И забыть всего на мгновенье
Недовольные, грустные лица.

Взгляд упал на книжную полку.
Там, в темнице старых обложек,
Тихо сказки во сне пылятся...
Я рискну их сон потревожить.

На тахту заберусь с ногами,
Тихо-тихо шурша страницами...
Я закрою глаза руками...
И представлю... счастливые лица.

Щёлкнет старенький выключатель,
Занавеска от ветра проснётся...
И так ласково свет фонаря
Ко щеке моей прикоснётся...

Вот и музыка вновь замолкает
В той квартире, что мне знакома.
Просто, чтобы собрать игрушки,
Я ночую сегодня дома.

Драконис

Шиза

Но в списках сдвинутых по фазе
Напишут наши имена...
Е. Петросян

Шиза — это прекрасно!
Сумасбродство — классно!
Люди живут — человеки.
Разум хоть цел — калеки.

Разумом людь заколбасен,
Цивильский мир ужасен.
К ним не пойду под руку,
Лучше уж лягу в дурку.

Сам постригусь в монахи,
Чем встать у общей плахи.
Гора не пришла — тем лучше:
«Косяк я забью покруче...»

Стены

Стены — моя крепость,
И я за стенами сижу.
Стены — моя крепость,
Покой за ними нахожу.
Студенческая песня

Сижу в четырёх стенах.
Боль, обиды, холод и грязь.
Копаюсь в чужих снах,
Слёзам выход найти стремясь.

И надобно взять в руки нож,
Вскрыть себе вены и выпустить желчь,
Но я на таких не похож,
Горечь буду в себе жечь.

В огне том я выкую меч
И дам ему имя, забытое мной,
И выйду дороге навстречь,
И поведу тех, кто хочет, с собой.

Я вырежу флейту в пути
И буду играть на ней песню дождя,
И спрячусь за стены воды —
Там, где никто не найдёт меня.

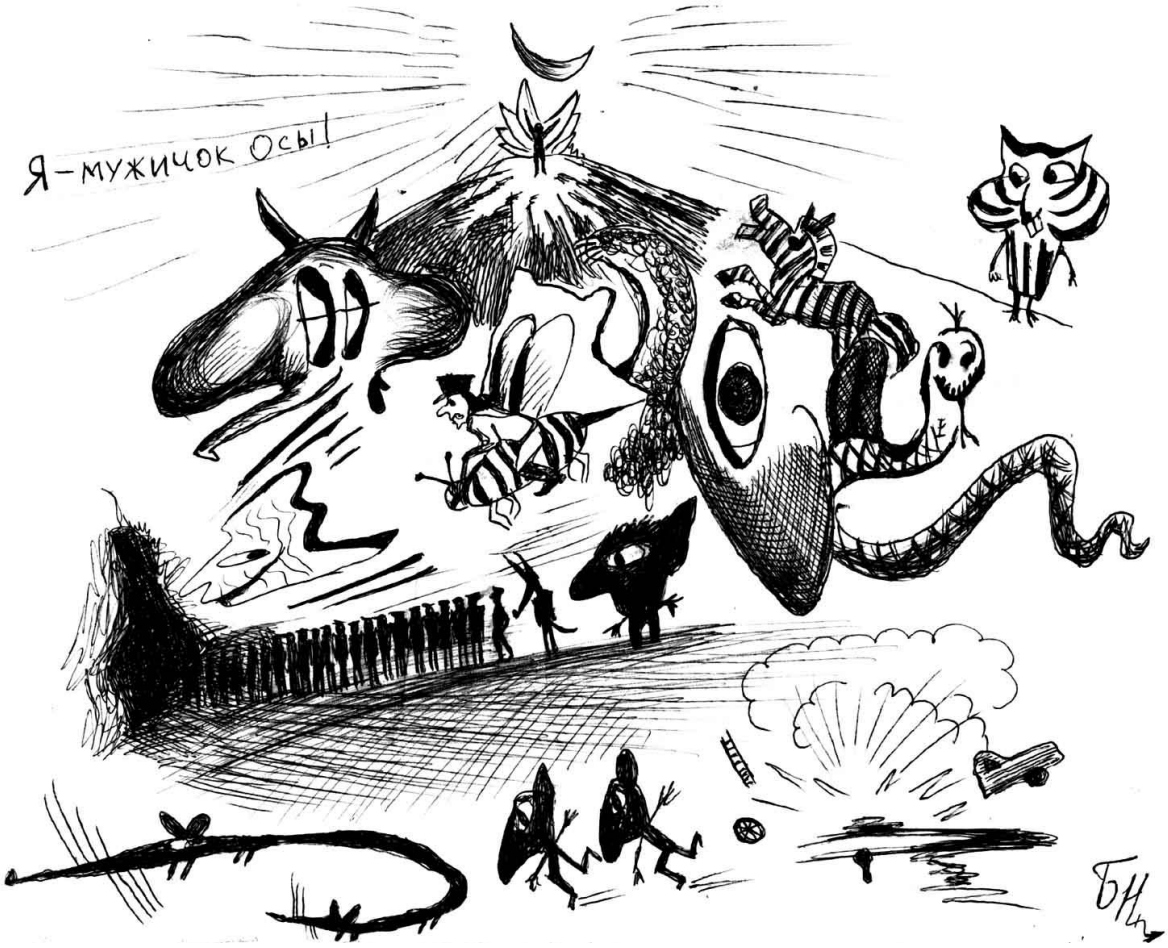
Я буду гулять по стене,
Не замечая преграды её,
Я буду смеяться себе,
Вновь возвращая людям любовь.

А после вернусь во мрак,
Закрытый от всех четвёркою стен,
И буду себе не рад,
И буду желчь свою греть на огне.

Космос

Друг иль враг ты,
Старый космос,
Приоткрой свои секреты,
На вопросы мирозданья
Получить хочу ответы.

Приоткрой завесу тайны,
Расскажи о звёздной пыли,
Что в мирах чудных и дальних
Обволакивает сетью
Сотни, тысячи созвездий.



Николай Болток. **Я — мужичок осы!**
Бумага, тушь

На первой странице обложки:
Николай Болток. **О ты, дедоед!**
Бумага, тушь

(Иллюстрации
к палиндромной сказке Элиаса Отиса
«Цен окно»)